

ИДЕАЛЬНОЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОСТИ МАТЕРИИ

А.И.ПИСИН

**МОСКВА
2009**

ИДЕАЛЬНОЕ

(ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОСТИ МАТЕРИИ)

«...Идеальное есть во всём, оно есть и в материальном бытии, и в сознании, оно есть и в обществе, и в природе, или же его нет нигде...

Никто не говорит, что в мире господствует идеальное начало – это было бы и глупо, и ложно. Но можно сказать, что идеальное является признаком истинного бытия материального».

М.А.ЛИФШИЦ.

Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального).

(Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). – М.: Прогноесс-Традиция, 2003, с. 205, 214

ОТ АВТОРА

Фундаментальное и сокровенное очень часто скрывается за очень простым и будничным. Буддисты иллюстрируют эту мысль на примере хлопка двумя ладонями. *Возможен ли хлопок одной ладонью?* Ответ, конечно, очевиден. И дело здесь не в природе самого хлопка. На самом деле очень многие явления нуждаются в *парности*. Наш мир закономерно двоичен (бинарен), это вытекает из его «зеркальности» (симметричности), что вовсе не означает полного тождества партнёров. Ведь две ладони, способные произвести хлопок, заведомо отличаются друг от друга, а вместе с тем - и от всех других пар ладоней. Но это лишь зачатки *противоположностей*, на которых зиждется наш мир.

Впрочем, понять, что какие-либо две руки (или, скажем, два кирпича) отличаются друг от друга, не так уж и трудно. Гораздо сложнее уяснить, что же это такое – *парность* (т.е. противоположность как таковая, или зеркальность, или, говоря научным языком, *хиральность* левого и правого), понять, что уже сама по себе

эта парность (хиральность) неизбежно порождает и нечто *третье* – и не просто ещё одно материальное явление (тот же звук хлопка), а нечто качественно иное, *сигнальное, значащее, информационное, обозначающее* некую *внутреннюю связь* партнёров друг с другом, отличающуюся от силовой, энергетической связи, но, несомненно, выявленную их материальным, силовым, энергетическим взаимодействием.

Главным здесь, конечно же, оказывается не физическое движение ладоней, и даже не извлекаемый ими звук, а то, что он означает, его *значение и значимость* и, следовательно, *смысл* возникающего хлопка, т.е. нечто уже не сугубо материальное. В этом пункте природа проявляет свою скрытую сущность, *выходит* на новый уровень своего существования, закрепляя *фундаментальность двоичности* благодаря возникновению ещё одной, уже более глубокой и свободной парности – *противоположности* между *материальным звуком* и его бестелесным *идеальным смыслом*.

Так естественно и закономерно *материальное* порождает *информацию*, т.е. *идеальное*, которое, в свою очередь, уже в полный голос заявляет о своих законных правах на участие в мироздании – даже если мы, люди, глухи и слепы, и некому из нас услышать это её программное заявление о выявленной при этом *идеальности материи*.

К счастью, мы живём в переломные времена, когда всё больше и больше учёных начинают сознать, что нужен новый взгляд на мир, формирующий и новую философию XXI века, краеугольным камнем построения которой является универсальная доктрина, признающая *конструктивную роль как материальных, так и идеальных свойств материи*. Современная наука становится междисциплинарной, а постнеклассическая философия – основанной на трансформативных и социокультурных практиках (см.: Философские проблемы постнеклассических практик // «Филос. науки», 2008, № 7, с.77-78). Но современные наука и философия нуждаются не в очередном издании идеализма, дуализма, солипсизма или логического позитивизма, а в кардинальном развитии фундаментальной доктрины – *материалистической диалектики*.

Известно, что значительная часть мировых философских систем изначально строилась умозрительно и была подчинена если не своеволию сознания, то уж, во всяком случае, мифологическим, религиозным и моральным императивам, отражающим консерватизм общества. Философия как миропонимание всё время отстаёт от живой практики людей, от естествознания, от экспериментальной науки и прогресса техники. Человечество методом проб и оши-

бок страстно стремится познать самую себя, но при этом в первооснове человеческого существования всегда остаётся до конца непонятым, возможно, самое главное – *сущность материальной субстанции*.

Лишь сравнительно недавно, в XX веке, был в основном осознан такой кардинальный принцип мироустройства, как *тотальный релятивизм* базовых сущностей физического мира – и это воистину эпохальное событие. Но, к сожалению, в релятивной науке обывательному сознанию не на что опереться; простая, согласно ньютоновской парадигме, структура субстанции на деле оказалась чрезвычайно замысловатой и парадоксальной; в сущности, физики сегодня не в силах объяснить первооснову мира: что это такое – *корпускула (атом)*, *если она одновременно ещё и волна*? Как *локальность* макроскопического мира переходит (перетекает?) в *нелокальность* квантового уровня движения материи? Какие тайны таит в себе *физический вакуум*? А, с другой стороны, что же это такое для последовательного материалиста – *феномен сознания*; как именно материальное порождает идеальное (и порождает ли, или обе сущности существуют вечно и нераздельно; но тогда как можно научно объяснить *эволюцию и разнообразие* мира, его дискретность, вероятность, голографичность, многоформность, гармоничность и симметричность (комплементарность)? Что это такое – *время* и что это такое – *пространство* и, тем более, как они *функционально* связаны, образуя, если верить в незыблемую истинность специальной теории относительности (СТО), действительно целостное и взаимозависимое *пространство-время*?

Философия имеет дело со *смыслами* и обязана *объяснять* их, начиная со смысла корпускулярно-волнового дуализма и кончая смыслом жизни. Но что такое – *жизнь* в её элементарном смысле? И что это такое – *смерть* как таковая? И почему *конечное* зримо и чувственно воспринимаемо, а *бесконечное* – непостижимо, сверхчувственно, трансцендентально? Какие смутные намёки пытается довести до нашего сознания *математика*, оперирующая сущностями, у которых мы зачастую даже не можем отыскать реальных денотатов? Что это такое – *нуль*? Что означает *аддитивность*? И что это такое – *отрицательное*, а тем более, *мнимое число*?

Что скрывается за *размерностью* мира? Человек мучительно преодолевает свой собственный *центризм*, обнаруживая тотальный релятивизм точек отсчёта, но, тем не менее, до конца не понимает сущность *разномасштабности* мира, которая, по-видимому, имеет более фундаментальный характер, чем это принято считать в науке. И если универсум действительно *многомерен и многомирен*,

то сможем ли мы в полной мере понять ограниченность нашего четырёхмерного континуума?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Ясно одно: необходим какой-то принципиально новый взгляд на мир, формирующий и новую философию XXI столетия, основанную на ещё более фундаментальных сущностях и, соответственно, на высших принципах. И каковы же эти принципы?

Во всяком случае, не человеческая авторитарность, не голый практицизм и не фатальный антогонизм души и тела.

Как телесное существо, т.е. как чувственная сущность, Я воспринимаю течение времени прерывисто, отдельными эпизодами, которые, подобно пульсирующему потоку (водопаду восприятий и переживаний) – прежде всего, тактильных, болевых, синестических, ольфакторных – Я соединяюсь с окружающим меня миром руками, кожей, ртом, носом, грудью, лёгкими, циркулирующей во мне кровью... Я – один, а мир – многолик и многообразен, и мне приходится постоянно быть аллотропом – единым во многих лицах, состояниях, образах, чтобы не прервалась тонкая, непрерывно меняющаяся нить нашей взаимной связи. Я и весь мой мир – две неразделимые интенции, вместе мы образуем открытую тотальную устремлённость к единичности, индивидуальности, дискретности и, вместе с тем, скрытое тотальное стремление к воссоединению с миром, к его целостности.

Я – чувственное существо, и самое первое, самое главное в этом моём постоянном переживании мира – изначальный дух, изначальный смысл, то есть всеобъемлющая информация: запахи, ароматы, биохимия людей и живых существ, одушка вещей; мир пахуч: ещё до того, как разум овладеет ситуацией, возбуждаются обонятельные рецепторы, вырабатывается «ольфакторное послание мира» – смутные обонятельные впечатления, которые оформляются, переводятся на язык запахов и кодируются, прежде чем попасть в мозг, где оказываются в общем знаковом поле, сопоставляются с другой информацией (идущей от всех внутренних органов, от вестибулярного аппарата, от всех точек тела, диагностируемых акупунктурой), дешифруются в мозге и служат основой для акцептора действия. Моя реакция на мир во многом зависит от запахов и от множества других химических веществ и излучений – носителей внутренней и внешней информации, формирующей во мне фиксированные установки – ядро идеальных регуляторов моего поведения.

...Между тем, главный смысл всего происходящего постоянно ускользает от нас. Мы думаем, работаем, наслаждаемся, стра-

даем. Каждую мелочь превращаем во вселенскую проблему... А что если Земля сегодня или завтра столкнётся с тёмной космической массой и... исчезнет?

Но в таком случае – уже от одной этой мысли – теряют всякий житейский смысл не только мои повседневные мелкие усилия, моя прошлая уникальная жизнь, мои смелые мечты о будущем, но и деяния великих мира сего... Следовательно, всё дело в смысле? Смысле самой жизни – пока она ещё течёт, существует, – какая бы она ни была? Неужели прав Экхарт Толле, утверждающий, что реален лишь «момент Сейчас»? «Жизнь происходит сейчас. Никогда не было и не будет времени, в котором твоя жизнь протекала бы не сейчас. Во-вторых, момент Сейчас является единственной точкой, способной прорвать ограничения и вывести тебя за пределы разума. Это единственная точка доступа во вневременное и не имеющее формы царство Сущего» (Толле Э. Сила Моменты Сейчас. – М.: 2003, с. 18).

Вот умозрительный финализм того, что всё вокруг течёт, то есть фатально относительно, релятивно: в мире нет и быть не может ничего абсолютного, есть только то, что каждый сущий индивид переживает в настоящий момент; прошлое не имеет значения, а будущее вряд ли возможно.

Но тогда пришлось бы забыть не только о значении, но и о значимости, о ценности информации – о скрытом в ней идеальном моральном императиве – главном регуляторе человеческой цивилизации. Ведь тогда всё было бы оправданно. И альтруизм, и ненавистничество, и благо, и зло, ибо одно не существует без другого, и лишь высшие нравственные устои разводят эти противоположности по рубежам. Аморальность, нивелируя, разрушает мир, и тогда – твой личный выбор ничего не значит, ведь вся Вселенная превращается в коварного двуликого Януса, и уже не важно, как определяется действительность – объективно диалектически, или субъективно дуально – и не только в ангельском смысле (в том иконном плане, что ангелы «дополняют» Бога и апостолов), но и в смысле приемлемости обоих противоположностей: ведь в этом бесконечно разделённом мире и Дьяволу тоже находится место...

А каковы же мы на самом деле? Мы пытаемся сопротивляться, стремимся удачно проскочить между Сциллой и Харибдой своих желаний и возможностей. Мы хотим безнаказанно пожирать мясо, выставя себя добропорядочными вегетарианцами и доброхотами. Виноват ли лев, убивающий газель? Жертва ли газель, пожирающая траву? Но и траве, наверное, хочется жить. И какой-то молчаливый агат (в своей, до сих пор не понятой нами, кремневой эволюции) вызывает к иной форме жизни...

А неизбежность смерти? Смерть необратима не только в том

смысле, что «нет возврата назад», будущее тоже отсечено в ней окончательно. Это красивая иллюзия, что «что-то остаётся». *Что же остаётся?* Даже напитанная строчками стихов тетрадь – единственное, что оставляет надежду на вечность, – после твоей смерти, скорее всего, будет засунута в пыльный ящик или выброшена в мусорное ведро и забыта (как досаждающий след) теми, кто *ещё жив* (т.е. столь же временно заключён в своей собственной эгоистической оболочке, но склонен не думать об этом).

В разные интервалы жизни, порывая с прошлым, наша *са-мость* идентифицирует себя исключительно с *настоящим*, которое никогда не может быть охвачено нашим дискретным комочком живой материи. Эта истина всегда сокрыта от нашей чувствующей плоти, ибо она только потому и *самость*, что *замкнута на саму себя*. Лишь *дух* (более или менее развитый *ум*, *разум* или то, что представляется нам идеальным воплощением *свободы*) виртуально раздвигает рамки сиюминутного бытия, фабрикует мифологию бессмертия.

Мы живём под знаком вечности. Но в действительности вечна не наша длящаяся жизнь, вечна наша конечная смерть, кладущая начало новой жизни. Иное понимание бытия – обман или самообман.

И всё же старые философы правы: в *духе* (*разуме*, *воле*, *свободном сознании*) нет ничего такого, чего бы ни было в *чувствах*, а следовательно, в реальной действительности. Вот почему всё *телесное* столь восхитительно и столь унижающе для человека. Обобщённо говоря, мы настолько разумны, насколько развиты наши восприятия, ощущения, наши модальности и ментальности. Чувства изначальны, но слепы. Так, чувство *боли* имеет свой порог; оно известно и простейшей амёбе, заставляя её адекватно, т.е. почти «разумно», реагировать на окружающий мир, на воздействия среды. Но развитое чувство боли – это вовсе не градуированное телесное ощущение; когда «болит душа», тело зачастую оказывается не причастным к этим страданиям. *Соотносительность и причастность* – вот то главное идеальное, что делает меня человеком, именно соотносительность и причастность (сопряжённость моего Я с миром) определяют уровень болевого порога. Развитое чувство боли – это способность души чувствовать самые тонкие вибрации мироздания, даже не собственную боль, а боль *иного* существа, т.е. чужой самости и даже не только себе подобной.

Сама же чувственная жизнь – это и есть подлинная жизнь. Всё иное – от лукавого. Но диапазон чувственности ограничен, с одной стороны, эгоцентризмом, а с другой – альтруизмом. Как понять фе-

номен самопожертвования, ведь в нём нет индивидуального смысла, нет чувственной самодостаточности. Альтруистическая смерть – это вера в то самое «загробное царство», в иллюзию потусторонней вечной жизни, которой утешаются на пороге смерти. Альтруизм скрывает высшую форму эгоизма живой материи, т.е. *предел* её чувственности.

А безумная любовь – это и есть альтруизм в чистом виде. Страсть, сексуальность – это род недуга; то есть всё то, что называют любовью, вбирает в себя и неосознаваемый эгоизм (моноцентризм) и осознаваемую готовность отдать свою самость, свою бесценную жизнь ради любимого существа (дуоцентризм) и, наконец, интуитивную интенцию к продолжению рода (полицентризм). Семья должно погибнуть, дабы жизнь продолжалась. Но это будет жизнь уже *совсем иной самости*, иной неповторимой индивидуальности. Так реализуется высшая диалектика мира – *диалектика дискретности и целостности*, порождающая *дух*, который своим естеством манифестирует о вечной *идеальности материи*.

В современной биологии существует понятие *дления* (например, *вида*), в котором нет различия между прошлым, настоящим и будущим (см.: *Заренков Н.А.* Семиотическая теория биологической жизни. – М.: КомКнига, 2007, с. 45). Понятие «дление» используется учёными мужами для понимания *жизни* как противоположности *смерти*.

Так что же остаётся? После нас. Некая фрагментарность. Разноформатная пачка уже поблёкших фотографий? Сокровенные записи в тетрадке? Загадочные знаки и сигналы; манящие какой-то скрытой тайной коды; никем не понятые тексты (к примеру, *об идеальном, о вездесущной идеальности материи*)? Скорбь близких и друзей? Нелепость брэнного тела? Надгробное тщеславие? Или всё же наш вечный, бессмертный *дух*?..

«...И тогда тебе не страшна смерть: боясь смерти, бояться потери. Но что тебе терять? Ты останешься связующей нитью. Таково твоё вознаграждение за прожитое» (*Сент-Экзюпери Антуан де*. Цитадель / Соч. в двух т. Т. 2. – М.: Согласие, 1994, с. 270).

Вечность явно не принадлежит нам; но каким-то немислимым образом мы принадлежим вечности.

***

Публикуя в 1999 году первую часть «Идеальности» («Реальность идеальности»), я довольно самонадеянно пообещал читателю вскоре представить на его суд и вторую часть этого исследования, а именно «Аксиоматику идеальности». Понятно, что уже тогда итогом моих многолетних размышлений над *проблемой идеального* были

не только факты, подтверждающие объективный характер этого феномена и его всеобщность (его действительность и реальность), но и выявленные при этом закономерности, ряд конструктивных идей, которые столь соблазнительно было принять за уже готовую аксиоматику – за конспект *общей теории идеальности материи*.

Вскоре, однако, я понял, что подлинно теоретическое описание *идеального* требует ещё более глубокого исследования его *природы*, его *конкретных форм существования*, сознательно или неосознанно эксплицируемых различными отраслями науки. И я бросился в эту новую пучину теорий и данных естественных и гуманитарных наук, преодолеть которую по силам, наверное, только гениальному пловцу-энциклопедисту. При этом оказалось, что в наши дни приходится преодолевать не только своё незнание, но и поразившие отечественную философию скепсис и нигилизм, идейную мимикрию, а главное – трусливый отказ от диалектико-материалистических методик и методологий.

Сегодня у неопитов отечественного философского сообщества стало весьма модным под лозунгом критики марксизма-ленинизма третировать едва ли не всё прошлое советской философии, восторгаться половодьем *когнитивных наук* в западноевропейских анналах философской мысли, увлекаться распространёнными там поисками *новой рациональности*. И у нас в России, и на Западе разработка проблематики *субстанции*, *материи* (материальности мира) и *диалектики* (фундаментальных законов развития универсума) фактически сошла на нет. А фундаментальная *проблема идеального*, как это ни парадоксально, является головной болью отнюдь не модернистского идеализма, а исключительно нашей отечественной философии, которая в начале XXI века начинает всё чаще стыдиться своих достижений и даже пренебрегать своим кровным родством с классическим диалектическим материализмом.

И вот уже один из респектабельных отечественных журналов «Философские науки», отвергает традиционную философскую работу – систематизацию мировоззренческих знаний, – и приступает к новому проекту: «*серии публикаций материалов, посвящённых обсуждению проблем, которые могут выглядеть нетрадиционно с академической точки зрения*» («Филос. науки», 2008, № 8). Почему же «могут выглядеть», если так оно и есть? Ведь редакция заявляет, что отныне она будет заниматься не «академическим», а так называемым «живым философствованием» и тут же запускает свой новый проект с обсуждения темы «скриптизации бытия». Для тех, кто не знает, что это такое, – можно пояснить: *феномен скриптизации*

– это философские публикации исповедального характера, авторские воспоминания в таких «жанрах», как дневник, хроники, «летописи», письмо, «истории по жизни» и т.п. *Всеобщее* сегодня не в чести; умы заняты конечным и сиюминутным.

Любопытны причины и логика такого выбора. Хотя редакция напрямую и не признаётся в этом, но из программных «обоснований» её нового пути сразу же становится очевидным глубокое разочарование наших мыслителей как отечественной, так и зарубежной философией:

«Что такое философия сегодня? Она, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения – самосознание, самообъяснение и самооправдание...

Отечественная философия традиционно развивалась эхологически, «в ответ», как рецепция новейших концепций зарубежной мысли. В наши дни отечественная философская культура всё более приобретает характер естественной среды философствования, соответствуя российской культуре на пороге нового тысячелетия. И нам хотелось бы создать площадку реализации, проявления этих процессов развития отечественной философской культуры: на наш взгляд созрели условия равноправно вступать со своей собственной проблематикой в современную философскую культуру.

Время постструктуралистской логомахии на глазах уходит, если уже не ушло. В истории философии неоднократно проходили волны систематической деконструкции, отстранения (схоластика, ницшеанство, постструктурализм), на смену которым приходило выстраивание («монтаж») новых структур и концептов. И мы думаем, что такая стадия наступает. Речь должна идти не об ускользании автора, порождающем необязательность текста и его чтения, а именно о вменяемом философствовании. Вменяемом – в обоих русских смыслах этого слова: рациональной мотивации мысли, а главное – её ответственности» (Философский форум. *От редакции* // «Филос. науки», 2008, № 8, с. 25).

Итак, редакция призывает нас – ни больше и ни меньше – к «вменяемому философствованию». Эти внешне независимые и, казалось бы, очень смелые декларации журнала, порывающие вроде бы с экспансией западноевропейской мысли, тем не менее, имманентно несут в себе заразу родового самоуничтожения, издавна поразившую значительную часть русской интеллигенции. Об этом ещё в начале XX века с горечью писал самобытный русский философ Н.Ф.Фёдоров:

«Запад действует подавляющим образом на слабохарактерную или бесхарактерную русскую интеллигенцию, которая в зародыше губит, и губила, всё самостоятельное на Руси и даже зарождаться не допускает ничему оригинальному, суеверно уверившись в западном совершенстве и русской несостоятельности. Сколь-

ко талантов погибло от пьянства благодаря ренегатствующему западничеству и притворному славянофильству!» (Фёдоров Н.Ф. Соч. // Из II тома «Философии общего дела». – М.: Мысль, 1982, с. 524, примеч.).

Так что же это такое – «вменяемое философствование», и каким образом русские философы, по мнению редакции «Философских наук», могут «равноправно вступать со своей собственной проблематикой в современную философскую культуру»? Поясняя свою «бунтарскую» позицию, авторы редакционной статьи продолжают «бить» налево и направо – и своих, и чужих:

«...Современная философия уже не может отсиживаться в «башне» вольфианской систематизации философского знания... В России же, во многом ещё по инерции, продолжается отождествление философской мысли в предельной, а то и в запредельной общности, постановке вопросов в наукообразной форме, останавливающей, а то и отталкивающей читателя и слушателя» («Филос. науки», 2008, № 8, с. 26). А поскольку за рубежом современная философия «всё больше концентрируется на обсуждении и осмыслении, на первый взгляд, излишне конкретных вопросов социального и личного бытия, их практик и «технологий» (там же), постольку «Философские науки» и предлагают свой рецепт философской кухни – победить «их» излишне конкретные авторские стилевые дискрипции, предложив миру «свою», отечественную, но ещё более личностную, проблематику «скриптизации» (см. выше). Воистину латиняне были правы, утверждая: «Si tacuisses, philosophus mansisses» («Если бы ты молчал – ты, может, и остался бы философом»)!)

Редакция журнала призывает мыслителей не отсиживаться в «вольфианской башне», т.е., по сути, не заниматься *основами и принципами* философии. Какая «свежая» мысль! Но, не решив *общие* вопросы, как вы решите *частные*? Неужели история философии ничему не учит? Трудно понять, чем же немецкий философ-рационалист Христиан Вольф (1679-1754), внёсший, в общем-то, немалый вклад в систематизацию философского знания, не угодил сегодня редакции журнала «Философские науки»? Замкнутые философские «башни» он не строил, но одним из первых мыслителей (после Аристотеля) попытался *классифицировать науки*, что позволило заложить надёжный камень в фундамент современной ему философии. А разве в наши дни такая же задача не стоит и перед отечественными философами, по крайней мере, перед теми из них, кто легко, а точнее, легковерно отбросил диалектические методы материализма и пытается плыть без руля и без ветрил, «по воле волн», в пучине новомодных, спекулятивных и довольно мутных философских течений?

Впрочем, не всё так безнадежно. Если не философы, то учёные, не чуждые рефлексии, – и у нас, и на Западе – остро переживая

блеск и нищету современной философии, сегодня всё настойчивее начинают вести поиск *методологии* нового миропонимания, решают назревшие проблемы конвергенции естественных и гуманитарных знаний и даже предлагают программы создания новой, *универсальной философии*.

В этой связи, прежде всего, следует отметить институциональные философские поиски русского учёного Герасима Андреевича Югая, предложившего свою оригинальную концепцию построения *новой универсальной метафизики* – так называемой *голографической философии* (см.: Югай Г.А. Голография Вселенной и новая универсальная философия: Возрождение метафизики и революция в философии. – М.: Крафт+, 2007).

Работы Г.А.Югая интересны, глубоко, познавательны и, к тому же, имеют самое непосредственное отношение к излагаемой в моей книге *общей теории идеальности материи*. Поэтому во второй части «ИДЕАЛЬНОСТИ» (выходящей отдельно от этой книги) я подробно анализирую вытекающие из них следствия. Однако уже здесь должен сказать несколько слов в защиту *диалектики* и *материализма*, поскольку в данном вопросе исходная позиция Г.А.Югая в корне неприемлема для меня: автор голографической философии выступает «за синтез материализма и идеализма, науки и религии, универсализма и плюрализма, диалектики и метафизики» (при этом «несчастливая» диалектика у него подчинена метафизике и, более того, оказывается лишь *служанкой* метафизики) (см.: Югай Г.А. Указ. соч., с. 13). Я же полагаю, что нет никакой необходимости «валить всё в кучу», что *диалектический материализм самодостаточен* и только требует от своих адептов более глубокого развития на основе ассимиляции данных современных естественных наук (и лишь в этой конвергентной установке я полностью солидарен с Г.А.Югаем).

Для добросовестного исследователя не составляет труда установить, что материалистический монизм устоял и в физике, и в философии и способен естественно уживаться с признанием *объективного бытия идеальных феноменов*. Научное понимание внутреннего *единства* природы *идеального* с природой *материального* (т.е. не только материальных, но и идеальных свойств материи) проливает свет на *релятивную* сущность как самой материи (единственной мировой субстанции), так и присущей ей *всеобщей диалектики*.

Нам, русским философам, воспитанным на работах К.Маркса и Ф.Энгельса, нет нужды отрекаться от материалистической диалектики и, тем более, огульно охаивать её. Роль материализма и диалектического метода сегодня вынуждены признавать даже вче-

рашние их враги, высоколобые неопозитивисты, представители так называемой *аналитической философии* - одного из наиболее заметных направлений западной философской мысли XX-XXI веков, рассуждая о труднейшей мировоззренческой проблеме – *проблеме сознания* (т.е., по существу, о проблеме *идеальности материи*):

«Существует интересная возможность компромисса между физико-химическим материализмом и атрибутивной теорией сознания. Можно считать, что всё разнообразие человеческого поведения имеет своей причиной физические процессы в центральной нервной системе, однако вместе с тем полагать, что, по крайней мере, некоторые из этих процессов не могут быть объяснены в терминах физики и химии. Другими словами, определённые процессы в центральной нервной системе осуществляются в соответствии с эмерджентными законами (т.е. законами «внутренней динамичности» природы и, по существу, её диалектическими законами. – А.Л.), которые даже в принципе не могут быть дедуцированы из законов физики и химии. В результате получается, что поведение вообще не порождается в соответствии с чисто физико-химическими принципами. Такая точка зрения будет всё же материалистической, поскольку она не требует существования каких-либо эмерджентных качеств или эмерджентной субстанции, но такой материализм не может быть физико-химическим материализмом» (Армстронг Д.М. Материалистическая теория сознания. Глава 17 // Аналитическая философия: Избр. тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993, с.124). Такой материализм – добавлю от себя – в принципе неотделим от *диалектики*, т.е. требует признания, наряду с материальными, идеальных свойств материи или сакраментального *идеального* – в его подлинно материалистическом понимании.

Иначе говоря, *современная физическая теория* действительно нуждается в «оплодотворении» диалектикой, или, точнее, в обогащении *общей теорией идеальности материи*. И здесь не спасает простое, механическое *дополнение* свойств материи новым свойством – к примеру, *эмерджентностью*, нужна разработка глубоко обоснованного, а главное - выводимого из современных принципов естествознания, понимания самой *природы идеальности материи*. Чисто механическое, умозрительное объединение идеального, диалектики (того же свойства «эмерджентности» - таинственной способности к *порождению нового*) с изначально инертной материей не приемлет и философия как таковая. И уже хотя бы потому, говорит философ-аналитик, что при этом возникает грозная тень *дуализма*: «возражение против эмерджентного материализма заключается в том, что его нельзя отличить от дуалистического интеракционизма» (там же, с. 125).

И хотя этот «материализм, прибегающий к помощи подобных «эмерджентных законов», продолжает Армстронг, возможно, был бы вполне естественным и онтологически экономичным философским направлением», тем не менее, в современной теории со-

знания, явно предпочтительнее оказывается *постулирование некой духовной субстанции, которая взаимодействует с мозгом*. «Только так можно отличить эмерджентный материализм от интеракционистского дуализма». Но «материализм имеет и другой путь» - *более глубокое понимание физикой самой сущности материи*, справедливо уточняет Армстронг. «Вместо допущения эмерджентных законов мы можем открыть новое основание для физики, в терминах которого особый способ работы мозга становится чем-то в принципе выводимым из базисных законов, применённых к исследованию физической структуры мозга». «Конечно, легко беззаботно рассуждать о новой физике, пока не поставлена задача её действительного создания, но это единственный способ, с помощью которого материалист может защитить свою монистическую позицию» (там же, с. 125, 126). Абсолютно неоправданно, что «паранормальные явления», такие например, как телепатия, необоснованно противопоставляются материалистической доктрине. «Но почему этот феномен противоречит материализму? – справедливо замечает «аналитик». - Разве не может быть некоторых, пока ещё не обнаруженных физических процессов, которые связывают одну центральную нервную систему с другой и таким образом позволяют передавать информацию? Сходные предположения могут быть выдвинуты и по поводу остальных паранормальных феноменов» (там же, с. 128).

И вот окончательное резюме философа-аналитика по проблеме сознания: «физикалистская (читай; субстанциальная, диалектико-материалистическая. – А.Л.) философия как таковая ещё не завершилась, а только началась. Прояснение проблемы сознания только ставит нас лицом к лицу с более глубокими проблемами. Такие понятия, как субстанция, причина, закон, пространство и время, остаются даже более тёмными после того, как мы дали объяснение пространственным и временным феноменам сознания в терминах этих понятий. Физикалистская теория сознания (и шире – общая теория идеальности материи. – А.Л.) – только пролегомены к физикалистской метафизике (или, лучше сказать, к современной диалектико-материалистической философии. – А.Л.). Такая метафизика, как и теория сознания, будет, без сомнения, совместным результатом научных исследований и философской рефлексии» (там же, с. 131).

Словом, перспективы *новой теории сознания* оказываются достаточно оптимистичными. И если даже весьма далёкая от философской рефлексии К.Маркса *аналитическая философия* вынужденно признаёт *достоинства материализма*, то нам, воспитанным на диалектических работах, как говорится, сам бог велел отстаивать и развивать *материалистическую диалектику*. Мы говорим о достижениях К.Маркса, но не забудем и о заслугах его соратника Ф.Энгельса и, прежде всего, о фундаментальном труде последнего - «Диалектика природы», не утратившем своего научного значения и в эпоху новейших научных революций – в эпоху квантовых эффектов, информационных парадигм, нанотехнологий, в эпоху выхо-

да человека в дальнее космическое пространство.

И если теперь спросить: *что же это такое – общая теория идеальности материи?* – то ответ будет вполне определённым: это – *диалектический материализм, обогащённый современными научными идеями, это общемировая философия, развивающаяся на основе новейших достижений естествознания*. Это – закономерный синтез научных и философских парадигм, это, если хотите, – *универсальная метафизика XXI века - в старом, добром, аристотелевском её смысле*. В то же время было бы большим преувеличением считать общую теорию идеальности материи какой-то *новой онтологией* (хотя законы онтологии играют в ней определяющую роль); по своей сути это скорее материалистическая теория *сознания* (как высшей формы идеального), а следовательно, *теория генезиса смыслов* бытия природы и человека.

В известном приближении это то, к чему, по свидетельству М.А.Лифшица, «стремился Эвальд Ильенков»; «его научный идеал – это диалектическая онтогносеология, в которой мир вещей и мир духовный переходят друг в друга, отождествляясь и, в то же время, сохраняя своё неизбежное гносеологическое различие» (*Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального)*. – М.: Прогресс-Традиция, 2003, с.174. Выделено мной. – А.Л.). К сожалению, Ильенкову не суждено было осуществить свои грандиозные замыслы, да и вообще *возможны ли в наши дни основополагающие философские теории?*

Но правы ли те, кто говорит, что благодатное время великих философов-системосозидателей уже навсегда кануло в Лету? Послушаем мнение видного французского мыслителя Алена Рено: «... Сегодня никто не стал бы создавать новые системы в философии, а это знак того, что некоторым образом возможные философские позиции, или модели позиций в отношении объективности (или рациональности), были исчерпывающе исследованы в истории, и что философские концепции, разработанные от Платона до Хайдеггера, составляют, с этой точки зрения, нечто вроде закрытой аксиоматики. Гений Фуко – в этом, несомненно, причина его успеха – проявился в интуитивном проникновении в это закрытое пространство, и в том, чтобы, заняв одну из этих возможных позиций (скажем, ницшеанско-хайдеггеровскую), попытаться применить этот подход к сферам и предметам, оставшимся до недавнего времени за пределами философского дискурса. Вопреки всем возражениям, которые можно выдвинуть против выбора данного философского подхода, и всем оговоркам, которые можно сделать относительно его применения, здесь присутствует стиль философской деятельности, открывшей новые будущие возможности для философии, и это трудно оспорить» (*Рено А. Эра индивида. К истории субъективности*. – СПб.: «Владимир Даль», 2002, с. 8-9, примеч.).

Магистральный путь развития (или хотя бы приличного и до-

стойного существования) современной философии А.Рено видит в *частных философских дискурсах*, ссылаясь при этом на успешную (и даже завидную) работу своего соотечественника Мишеля Фуко. Действительно своими знаменитыми трудами («Слова и вещи: археология гуманитарных наук», «Археология знания», «История безумия», «Рождение клиники», «Надзор и наказание», «История сексуальности») Фуко если не создал, то уж, несомненно, открыл новые философские сады – живительные и плодоносящие. И этот путь философского развития, ставящий во главу угла *стиль дискурса*, никому не заказан. Но у Софы Минервы много задач и маршрутов. Помимо частных, у философии существуют и общие, так называемые «вечные» вопросы, относящиеся к её корням, к её основам. Охватывающая бытие, философская рефлексия не может исключать из своего поля зрения и саму философию. К таким «вечным» вопросам философии в первую очередь, вне всякого сомнения, относятся мировоззренческие проблемы «материи» и «духа».

Всему своё время на спирали развития. Рано или поздно, но неизбежно наступает момент, когда познание мира, и, прежде всего, фундаментальные достижения естествознания делают возможным кардинальный прорыв в самом нашем миропонимании. И тогда оказываются реальными новые открытия - и в природе субстанции (материи), и в тайнах механизмов порождения ею идеальных феноменов. Первыми догадываются об этом *методологи*, обнаруживая новые *симметрии, подобия, сходства и соотносительности* там, где ещё вчера у них перед глазами зияли туманные теоретические лакуны. Возникают совершенно новые конструктивные идеи *теоретического сопряжения материи и духа*, интеграции естественных и гуманитарных наук, формируются междисциплинарные синтетические воззрения. Но этот открывшийся путь – лишь начало начал, всего лишь вектор, всего лишь абрис.

Очевидно, что и *общая теория идеальности материи* сегодня может быть сформулирована лишь *в самых общих чертах* (да простит меня читатель за такую тавтологию). По-видимому, всё-таки это *дело будущего* – становление такой теории, столь необходимой не только для материалистической философии (для понимания всё ещё загадочного её ядра – *диалектики*), но и для развития универсального фундамента множества наук – для физики, обременённой в XXI веке поиском основополагающих идей, экспериментальных данных и концептов становления «окончательной», объединительной физической *Теории Всего*.

Почему же уже сейчас, оставаясь в рамках этой огромной познавательной программы, я решаюсь опубликовать свои пока ещё

во многом фрагментарные разработки, излагающие, надеюсь, в более или менее прояснённом виде *новое понимание генезиса и сущности феномена идеального*? Жизнь наша скоротечна, и зачастую именно эта конечность определяет выбор тех или иных решений. Не хотелось бы утратить тропу, ведущую к цели. Смею надеяться, что предлагаемая научной общественности **концепция общей теории идеальности материи**, обобщающая большой массив научных данных и наиболее продвинутые точки зрения на указанную сущность, может стать если и не объединяющей платформой, то, по крайней мере, хорошим *катализатором* для возможной в будущем её доктрины.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Необходимо сохранять разумное отношение к материальному базису явлений, вести целенаправленный и всё более глубокий поиск в его расшифровке. И в то же время попытаться определить для себя, не загоня всё в «железобетонное» ложе материализма, что же такое идеальное... Именно мы, материалисты, не даём себе труда понять – нет, даже задуматься над тем, что же это такое – идеальное».

Н.П.БЕХТЕРЕВА.

Магия мозга и лабиринты жизни.

(Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. Доп. Изд. – М.: АСТ; СПб: Сова, 2007, с. 97).

ПОЧЕМУ – ИДЕАЛЬНОЕ?

Вот уже многие тысячелетия Диалектика, как всевластная Богиня Универсума, вместе с её лёгким на поступки партнёром – всемирным Духом, мучит и соблазняет умы человечества главной загадкой Бытия как такового – Тайной Жизни и Смерти, т.е. Смыслом (или же, напротив, Бессмысленностью) самого Феномена Человека – его титанических материальных, порою тщетных, а порою великолепно реализуемых усилий и его Идеального (можно сказать, идеалистического) Сознания, ни на миг не прекращающего попыток понять Вселенную и самого себя. Но и Жизнь, и Смерть, и все другие феномены в Природе и Социуме *диалектически двулики*: с одной стороны они воплощают в себе материальные, телесные структуры и процессы, а с другой – идеально проявляют всеобщую Духовность эволюционирующего Универсума.

Продолжая эту мысль, совсем не трудно ответить на вопрос: *почему – идеальное* опять стало предметом размышлений? Потому, что вне и помимо *идеального* нет и быть не может ничего сущего, даже самой субстанции; *идеальность материи* – вот ключ к пониманию *духовности*, то есть *целенаправленности, ценности* и самого *смысла* земного и космического существования.

НЕПОЛНОТА ТЕОРИЙ ВООБЩЕ И ТЕОРИИ ИДЕАЛЬНОГО, В ЧАСТНОСТИ

Вначале – несколько предварительных замечаний.

От меня ждут *аксиоматики идеальности*. Это то, что я обещал в первой части своей работы «ИДЕАЛЬНОСТЬ. Реальность идеальности», увидевшей свет в 1999 году. Правда, обещая это, я не уточнил, сколько лет потребуется для решения подобной фундаментальной задачи – 10, 20, 30? Аксиоматика закладывает *основы* той самой теории, у которой сегодня, насколько я знаю, отсутствует даже *понимание её предмета* – какого-либо устойчивого представления о собственно *феномене идеального*. Чрезмерное увлечение аксиоматикой – первый признак схоластики. Наука *вызревает*, а не просто постулируется. Аксиомы лишь внешне кажутся произвольными. Формулируя то или иное положение, мы должны исходить не из законов логики, а из законов природы, из анализа *базовых элементов реальности*.

Поэтому я предпочитаю заниматься упражнениями ума лишь в той мере, в какой сохраняется *свобода* мышления как такового, ибо иной подход чреват, с одной стороны, заостенелостью, а с другой – произволом. Придерживаясь принципа свободы познания, я не могу подчиниться запретам, устанавливаемым пусть даже самой уважаемой комиссией, освящённой авторитетом РАН, но в то же время я не хочу навязывать собственные представления о мире кому-либо ещё, думающему о нём иначе. Ведь то, что для одного аксиоматично (предпосылочно, и не требует доказательств), для другого – симптоматично и требует глубокого обоснования.

Вообще-то я не избежал искушения аксиоматикой, поместив в первой части «Идеальности» некое «Введение в аксиоматику идеальности» (в данной книге оно приводится в Приложении), но именно этот опыт и убедил меня в малой продуктивности такого изложения предмета исследования. Вынужден признаться, что и в этой моей работе читатель найдёт новые доказательства исключительной живучести подобной методологии.

Я не намерен утверждать, что аксиоматика идеальности недостижима в принципе. Я лишь констатирую, что *современная наука не созрела для этого* в силу (или, точнее, из-за бессилия перед) своей дифференциацией. До тех пор, пока естественные науки *отделены* от гуманитарных (и наоборот), до тех пор, пока не существует единая Наука Всего, говорить об аксиоматическом построении знания бесперспективно.

Может быть, это весьма разочаровывающий вывод. Но разве не такова вся нынешняя исследовательская практика, являющаяся собой напыщенные претензии на незыблемость и законченность знания? Классическая истинность постулатов (о какой бы ветви познания ни шла речь) ограничена временем и пространством: то, что представлялось незыблемым ещё вчера, сегодня рушится у нас на глазах. Какой же спасительной может показаться спешно сооружаемая аксиоматика, внешне соблюдающая сопромат логики, но внутренне ещё не выверенная на прочность. Я вовсе не отвергаю необходимость и наличие *основ науки*; я лишь напоминаю, что любые основания заведомо неполны и потому рано или поздно подвержены изменениям.

Определённый оптимизм «сознающей себя материи» (если он вообще возможен), по-видимому, заключается в том, что *релятивизм знания сам по себе релятивен*, то есть, так или иначе, отрицает собственное отрицание и, следовательно, порождает некое *позитивное знание*.

Философский подход (испытанный веками – догматами и антидогматами) предполагает *субстанциальную* точку зрения на мир, объясняющую существование двух взаимосвязанных фундаментальных сущностей – *материальности и идеальности*. При этом речь идёт не об их чисто логическом «примирении», не о пресловутом дуализме, умозрительно разделившем единый универсум на две противоположные абстракции. Научный подход основывается на выявлении *субстратности*, т.е. общих законов сосуществования и взаимодействия разнообразных сущностей. Междисциплинарный (натурфилософский) научный подход в своей основе имеет *свойственность* как таковую. Свойственность (или акцидентальность) охватывает *производные* сущности, такие, например, как геометризмы, отношения, размерность, пропорционирование, вероятность и т.п.

До сих пор остаётся недостаточно осознанным *изначальный принцип существования универсума* (порождающего как *материальные субстраты*, так и *идеальный разум*): в нём наряду с силовыми (энергетическими) феноменами объективно наличествуют и несиловые (информационные, временные, духовные) явления. Доктринально не столь уж и важно рассмотрение этих парных феноменов в рамках традиционной тысячелетней оппозиции: материальности-идеальности. Независимо от терминологической специфики философии и физики *дуальность* сущностей остаётся как объективно существующий факт, как подлинная *противоположность* двух родов свойственности универсума (как такая *актуальность разделённости* последнего, которая всегда существенно со-

прягается с его *потенциальной целостностью*).

В познании мира иногда важнее даже не цель, а путь к цели. Научные понятия *сканируют* Универсум и *только*, – они одномерны, тогда как этот последний – многомерен. Но какая-то общая мера для них всё-таки существует, ибо сумели же мы догадаться хотя бы об этом несовпадении! Мы никогда не сделали бы ничего подобного, если бы, например, у кристалла и жидкости, в принципе, не было бы никакой общей меры, но она, к счастью, есть, уже потому, что существуют *жидкие кристаллы*. Мы можем устанавливать системы понятий («категориальные сети») только потому, что воспринимаемый нами разделённый мир имманентно и латентно стремится к *целостности*.

В мире только на первый взгляд господствуют дискретности, требующие познавательной дескрипции. Обожествляющая дискурс, наука есть всего лишь то или иное *описание мира* – мира земного и космического, телесного и духовного. А любое описание – это род *отношений*. Наука *моделирует* мир, то есть *относится* к нему аналитически и рационально, подставляя вместо чувственных вещей *абстракции* – понятия, конструкторы, формализмы, которые частично и более или менее истинно «схватывают» сущности реальных и нереальных многообразий, образующих всё чувственное и сверхчувственное в универсуме.

Абстракции – «ткань» сознания, плод его озаряющей *рефлексии* – отражения отражений, которые, подобно зеркальному туннелю, уходят в *бесконечность*. Наука пытается конечным (понятием) постичь бесконечное. Между тем, бесконечности – настоящий кошмар для физики – не так уж и ужасны, они настойчиво указывают человеческому разуму на *целостность универсума*, которую теоретическое мышление никак не может уловить и понять.

Любая теория аддитивна и рекурсивна, но почему-то теоретики постоянно требуют её «конца», «завершённости», то есть, по существу, некоего окончательного описания универсума, что невозможно по определению. Все возможные теории заведомо неполны, релятивны, а следовательно, лишь относительно верны. В то же время наука всё сильнее обнаруживает свою зависимость от исторического развития человеческой цивилизации и её способов познания мира, эта взаимосвязь особенно ярко проявляется на рубеже XX-XXI столетий.

«В современную эпоху, – отмечает видные методолог науки, – мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в науке. Эти изменения можно охарактеризовать как становление *постнеклассической рациональности* (выделено мной. – А.Л.)... <>

Ориентация современной науки на исследование сложных исторических развивающихся систем существенно перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний – построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически-дедуктивной системы всё больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы, и т.д. В естествознание начинает всё шире внедряться идеал исторической реконструкции, которая выступает особым типом теоретического знания, ранее применявшимся преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т.д. ...<>

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включён в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь – генетической инженерии), системы «человек-машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т.д.» (Стёпин В.С. Философия природы и постнеклассическая рациональность // Философия природы сегодня. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009, с. 22, 24).

Вполне понятно, что формирование подобных гибридных систем в философском плане делает чрезвычайно актуальными «вечные» вопросы о природе «материи» и «духа», а также новые вопросы, связанные с пониманием фундаментальной сущности такого феномена, который в XX веке получил название «информации».

«При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать... <>

Научное познание начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества. Детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, её ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий «теория», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение» и т.п.» (там же, с. 25-27).

Возникает необходимость в новых теориях (в том числе и в лоне философии), обобщающих последние научные данные естествознания и обогащающихся за счёт нетрадиционных идей, ранее не понятых или недооценённых материализмом, но имеющих

огромное значение для развития материалистической диалектики.

«Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и восточными культурами...

[Так] восточные культуры всегда исходили из того, что природный мир, в котором живёт человек, - это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включён человек. Эти представления уже начинают в определённом смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам...» (там же, с. 27-28).

Понятно, что постнекласическая рациональность, перестраивая современную науку, нацеливая её на изучение сложных и сверхсложных саморазвивающихся систем, требует и нового миропонимания, основанного на *идеях целостности, идее единства телесного и духовного, материального и идеального*. А это, в свою очередь, делает чрезвычайно актуальным более глубокое понимание естественно-природных механизмов генезиса и сущности *идеальных феноменов*, ранее, по существу, игнорировавшихся естествознанием, но на деле выступающих конструктивным элементом и «человекообразных» объектов, и всего нашего мира, взятого в целом, а следовательно, и выдвигает перед наукой насущную необходимость становления и развития *общей теории идеальности материи*.

В ЗАРОСЛЯХ ФИЗИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Сама по себе относительная «разделённость» универсума (возникающая *физическим* путём, как результат либо *Большого взрыва*, либо вечной *Осцилляции* материи) соотносится с дискретностью и квантуемостью, со структурностью, задающей топологические фигуры, симметрии, пропорции, геометризмы, и при этом соотносится, с одной стороны, с *разномасштабностью* (количеством), а с другой - с *фрактальностью* (качеством). В свою очередь, «отношение» («соотносительность») через *неполноту* взаимодействий, *релятивность*, *опосредствованность* и *вероятность* выстраивает универсальную конструкцию «*quid pro quo*» - т.е. естественное *порождающее чрево идеальных феноменов*: значений и значимостей (ценностей), идей и эйдосов, модальностей и логосов, семантик, синтаксисов и прагматик, свобод и воли. А «ценность» («ак-

сиальность») избирательно и поляризовано, через взаимную нужду и комплементарность дискретностей, через сопряжённости, через бинарности любви и ненависти, через имманентное совпадение единичного, особенного и всеобщего ведёт к подлинной *целостности* универсума. Блуждающая в этих понятийных дебрях философия останавливается в бессилии перед непроходимыми зарослями физических понятий (а ведь у неё есть *теория диалектики*, способная справиться с подобным *релятивизмом физической теории*).

Многие проницательные исследователи давно уже обратили внимание на то, что именно это относительное, изолированное, обусловленное дифференциацией наук, развитие теоретических подходов в той или иной отрасли знаний и приводит к «завалам» терминологии, т.е., по сути, к разным формам *записи* зачастую *одних и тех же соотношений*, что и не позволяет сопоставлять их между собой, хотя отразившийся в них предмет **один и тот же** – единый и неделимый **универсум**. Вот как видит эту проблему автор неординарной работы «Пространства» Е.Б.Чижов:

«Наше познание природы протекает двояким образом: из непосредственных конкретных наблюдений, вызываемых воздействием внешнего мира на наши органы чувств (внешний опыт), и из интерпретации и обобщений этих наблюдений (внутренний опыт – рефлексия). В любом процессе исследования, как правило, обнаруживаются новые неизвестные явления, которые либо отбрасываются, как не подчиняющиеся данной парадигме, либо выделяются. Новому выделенному явлению присваивают имя и, если возможно, дают определение, и под этим именем новое явление вновь исследуют. Если снова обнаруживают необычные свойства этого же явления, то этим необычным свойствам снова присваивают своё собственное имя и дают определение, снова проводят исследования и т.д. Так появились в математических и естественных науках понятия: *точка, число, масса, время, температура, сила, энергия* и др. На вопрос, что такое «масса», часто отвечают: произведение объёма на плотность. Но можно и сказать, что плотность есть частное от деления массы на объём. Тогда, что такое «плотность»? На вопрос, что такое «сила», можно ответить: произведение массы на ускорение, или же масса есть частное от деления силы на ускорение. Тогда, что такое «ускорение» и «масса»? В физике микромира к этим неопределённым понятиям можно добавить следующие:

- лептоны (фотон, нейтрино, электрон, мюон и др.);
- адроны (пионы, каоны, протон, нейтрон и др.);
- заряд;
- спин;
- кварки и их свойства («цвет», «странность», «очарование» и др.);
- фермионы, бозоны.

Эти понятия имеют порой необъяснимые свойства и находятся в головомомных отношениях друг с другом. Кроме того, в физике мега- и микромира помимо

неинтерпретированных понятий существует ряд необъяснимых экспериментальных фактов, неполный перечень которых представлен ниже:

- почему существуют четыре отличающихся по величине взаимодействия?
- какова природа этих взаимодействий?
- каков механизм перехода одного взаимодействия в другое?
- каково отличие фермионов от бозонов?
- почему фермионы киральные?
- что такое физический вакуум?
- каков механизм рождения и уничтожения частиц?
- почему существует конфайнмент кварков?
- существуют ли чёрные и белые дыры?
- существует ли гравитон?
- что такое квазары и барстеры?
- каков механизм «аннигиляции» частиц?» (Чижев Е.Б. Пространства. – М.: Новый Центр, 2001, с. 20-21).

Эти и многие другие подобные вопросы остаются в современной физике и химии без достаточно обоснованного ответа. Такой же *неопределённостью* страдает и математика, и биология, и все отрасли гуманитарного знания и, как это ни удивительно, наука наук – философия. Но самой трудной проблемой оказывается проблема создания некой *синтетической методологии*, позволяющей интегрировать конкретные науки, например, путём выделения **ЭКВИВАЛЕНТОВ** их терминов, понятийных конструктов (и, в первую очередь, математических, физических и философских) и выстраивания их в непротиворечивую Науку, описывающую единство и целостность мира. Пути, ведущие к выработке такой синтетической методологии, по-видимому, могут быть разными.

Многосторонние (по мере освоения различных научных дисциплин) рассуждения, продолженные мной после выхода в свет первой части «Идеальности», позволяют сделать кардинальный (и, видимо, потому уже *кошунственный* для наших ортодоксальных академиков) теоретический вывод *о необходимости концептуального введения в единую научную картину мира новых сущностей, имеющих нефизическую (афизическую) природу*.

Собственно, такие сущности уже существуют и зафиксированы как в гуманитарных, так и в естественнонаучных областях знания, но эти последние не только напрямую, но и косвенно не соотносятся с физическими (точнее, физико-химическими и биологическими) сущностями, поскольку «физическое» в традиционном представлении – это вещественное, полевое, энергетическое, силовое, материальное, а «нефизическое», например, «живое», «ментальное» или «социальное» – это, по своей сущности, нечто немате-

риальное, информационное, топологическое, структурное, вероятностное, т.е. *идеальное*. На практике же, в реальных процессах, и те, и другие сущности существуют *нераздельно* – но только не в голове современного теоретика.

Даже в наиновейших научных теориях между этими двумя родами сущностей (материальной и духовной), как правило, существует непроходимая пропасть. Перед теоретиками встаёт позитивистское «пугало физикализма» – неудачная попытка перевода всего компендиума знаний на язык пресловутых «физикалей». Лишь последние открытия ряда неклассических (квантовых, нелинейных) физических феноменов позволяют отдельным учёным с большой осторожностью ставить вопрос об *объективном сродстве сущностей* – и, в частности, о возможной принадлежности биологических и социальных сущностей к особому классу квазифизических (афизических) сущностей, «настраивающихся» над собственно физическими сущностями.

Но что же фактически меняется от того, что биологические и социальные сущности мы начинаем в то же самое время *именовать* и квазифизическими (афизическими)? Мы, тем самым, делаем первый шаг к *преодолению* теоретического барьера между двумя родами сущностей (порождённых *разделённым* универсумом и нашим сознанием, базирующемся на логике «исключённого третьего»), т.е. благодаря этим *промежуточным понятиям* мы процессуально соотносим номенклатуры и отсылаем их к *одной и той же природе*, к одному и тому же (*единому и целостному*) универсуму. Онтологически это означает, что *мы обнаруживаем нечто общее между всеми без исключения сущностями*. При этом мы осознаём и различия, существующие у двух родов сущностей (материальных и идеальных), но в познавательных целях делаем упор именно на их общности.

Для физики это означает, что *среди* явлений, имеющих собственно физическую (материальную) природу, усматриваются и какие-то *не вполне* физические (квазифизические) феномены, которые, тем не менее, *существуют объективно* и базируются на физической основе, т.е. имеют некий реальный вид, косвенно улавливаемый *системным чувством* (в качестве которого выступают то разум, то интуиция). Для философии это означает, что гуманитарное знание вовсе не является какой-то субъективистской выдумкой идеального по своей природе сознания (не является его неким виртуальным эпифеноменом), оно латентно содержит в себе цепь *материальных опосредствований*, своего рода «следы» физических (материальных) объективных сущностей. Так *implicite* преодолева-

ется отрыв двух родов сущностей друг от друга, и, в принципе, преодолеваются старые *химеры дуализма* и пороки однажды скомпрометировавшего себя *физикализма*.

ЧТО ОТКРЫВАЕТ НАМ КВАНТОВЫЙ МИР?

Созданная в 20-30-е годы XX столетия плеядой физиков - Л. де Бройлем, Н.Бором, В.Гейзенбергом, Э.Шрёдингером и другими выдающимися мыслителями, - квантовая механика расширяет наш кругозор и вносит спонтанные изменения в наше миропонимание. Каковы для этого основания? Прежде всего, согласно современной физической теории, *квантовое поле* рассматривается как наиболее фундаментальная и универсальная *форма материи*, лежащая в основе всех её конкретных проявлений

«...Истоком общего понятия квантового поля явилась волновая функция частицы $\psi(x, t)$, которая является не самостоятельной физической величиной, а амплитудой состояния частицы (т.е. мерой отклонения от нулевого значения величины, колеблющейся по определённому закону; иначе говоря, амплитуда указывает на осциллирующую природу материи. – А.Л.): вероятности любых физических величин выражаются через билинейные по ψ выражения. Таким образом, в квантовой механике с каждой материальной частицей оказалось связано новое поле – поле амплитуд вероятностей» (Медведев В.В., Широков Д.В. Квантовая теория поля // Физическая энциклопедия. Т. 2. – М.:1990, с. 300). Иначе говоря, в общепринятом понимании состояние квантовой системы описывается волновой функцией, квадрат модуля которой определяет **вероятность** данного состояния.

Но что это такое - «вероятность»? Можем ли мы утверждать, что это тоже *сущность* и, если это действительно сущность, то, далее, можем ли полагать, что эта сущность относится исключительно к *физической реальности*? Вспомним важное свидетельство К.Поппера: великий А.Эйнштейн лишь после долгих колебаний с трудом убедился в необходимости считать ВЕРОЯТНОСТИ «физически реальными» (см.: Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983, с. 418).

И не удивительно. Ведь с вероятностью мы встречаемся *на всех уровнях движения материи*. И, более того: по своей сути, вероятность, несомненно, *нематериальна*, ибо являет собой *род отношений*, т.е. выступает одной из разновидностей **релятивности** (относительности) материи (т.е. свойством, характеризующим как раз *идеальную природу* материи). И именно квантовая механика «высветила» эту двойственную – *физически-афизическую природу ве-*

роятности - как объективно существующей сущности, как акциденции, модуса материи.

Наш оригинальный мыслитель В.В.Налимов так оценивал вклад квантовой механики в становление миропонимания XXI века:

«С философской позиции уместно обратить внимание на то, как квантовая механика расширяет наш кругозор. Отметим три соотнесённых с ней темы: 1) Дуализм материи – её двоякую структуру, взаимодополняемую, одна из составляющих которой – дискретность (квантованность), другая – континуальность (волновая функция). 2) Вероятностную логику – отказ от привычных нам жёстких причинно-следственных связей. 3) Признание “не-локальности”» (Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 36).

К этим пунктам следует ещё добавить определяющую роль в квантовой механике *статистических законов*. «...Обнаружилось, - писал один из создателей квантовой механики В.Гейзенберг, - что квантовая теория фактически вынуждает даже законы формулировать как статистические законы...» (Гейзенберг В. Избр. филос. работы. – СПб.: Наука, 2006, с. 77). Необходимость статистики связана с тем, что основные закономерности в микромире выявляются только при рассмотрении больших совокупностей частиц (множества дискретных состояний материи). «Квантовая физика, - подчёркивал А.Эйнштейн, - отказывается от индивидуальных законов элементарных частиц и устанавливает непосредственно статистические законы, управляющие совокупностями» (Эйнштейн А. Работы по теории относительности. – СПб.: Амфора, 2008, с. 321). Но что это такое - *статистика*? В онтологическом плане статистика *несубстанциальна*. Это не энергия, не масса, не заряд; это нечто *афизическое, идеальное* и в то же время *объективно реальное*. Но сами физики не всегда осознают, что статистические законы (нравится это кому-то или нет) неотвратимо вводят в физическую теорию *понятие идеальности материи*.

Квантовая механика открыла глубокие, доселе неизвестные нам свойства материи. Нельзя, однако, пройти мимо того обстоятельства, что с лёгкой руки неумелых популяризаторов науки квантовый мир стали именовать *парадоксальным* миром, пробуждая недоверие к новой фундаментальной теории и к её создателям. Между тем, по воспоминаниям самих основоположников квантовой механики, новое понимание материального мира формировалось на фундаменте классической науки и классической философии. Именно такой фундамент, наряду с обобщением экспериментальных данных физики XX века, обеспечивал прорыв к таким глубинным свойствам материи, как её *структурная дуальность* и *эквивалентность* таких её базовых закономерностей, как «соотношение неопределённости» и «принцип дополнительности». Эти концепты появились потому, что требовалось новое понимание старых проблем и новые

понятия, отражающие это новое понимание мира. Вспоминая трудные дни создания квантовой теории, Вернер Гейзенберг пишет:

У Бора «сложилась концепция дополнительности, позволяющая сделать дуализм, существующий между волновой и корпускулярной картинами, исходным пунктом интерпретации (квантовой механики. – А.Л.). Концепция дополнительности полностью соответствовала той философской позиции, на которой он, по существу, всегда стоял и в которой одной из центральных философских проблем выступала недостаточность наших выразительных средств. Его поэтому сбивало с толку моё нежелание исходить из дуализма между волнами и частицами. Впрочем, после нескольких недель дискуссий, которые не были лишены напряжённых моментов, мы вскоре поняли, в немалой мере благодаря сотрудничеству Оскара Клейна (помощника Н.Бора. – А.Л.), что оба имеем в виду, по сути дела, одно и то же и что соотношение неопределённости само составляет лишь специфический случай более общей ситуации дополнительности...» (Гейзенберг В. Избр. филос. работы, с. 29).

Квантовая теория показала, что *дихотомии* (соотносительные пары) в явном или скрытом виде составляет базовое структурное свойство универсума, который, проявляя сопряжения, в явном или скрытом виде демонстрирует универсальную эквивалентность своих фундаментальных дихотомий. А что это такое – сопряжённая парность и эквивалентность? Это *род отношений*, род свойств, которые *порождаются* материей, но сами по себе *нематериальны*. Посредством этих явлений материя указывает нам на присущие ей *двуединные* родовые свойства – материальные и идеальные.

Сегодня мы понимаем, что именно *двуединство интенций* материи – её устремлённость, с одной стороны, к дискретности, а с другой – к целостности, и является тем исходным фундаментальным механизмом, который порождает идеальные феномены и, в первую очередь, порождает на квантовом уровне *элементарную информацию* (т.е. первородное *идеальное*). ***Двуединство, парность (двойная родовая свойственность) универсума – основа, фундамент общей теории идеальности материи.***

О природе *вероятностной логики* говорилось выше. В дополнение отмечу, что вероятность отнюдь не противостоит *детерминизму* (каузальности) универсума. Особенно сильно запутывает эту проблему «запаздывание» следственных событий, что нередко трактуется как полное отсутствие каузальности, как *индетерминизм*. Аналогичную ошибку вызывает и «опережающее» проявление следствий – парадокс, связанный со сверхсветовыми скоростями (объяснение реальности подобных явлений и их согласованность с детерминизмом хорошо объяснены в работе В.Н. Семченко «Скорость, причинность и физнадежды» (см.: УДК 113/110 2007 [Интернет])). В макромире проблема опережающего детерминизма пре-

красно разработана в биологии (см.: Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Анохин П.К. Избр. труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978, с. 7-26 (впервые опубли.: «Вопр. филос.», 1962, № 7); см. в том же томе «Избранных трудов» другие работы П.К.Анохина по этой проблеме).

И несколько слов о *нелокальности*, выявленной квантовой механикой (ЭПР-эффект, или парадокс; квантовая телепортация и др.). Физики используют термин *локальность* в тех случаях, когда точка, находящаяся в пространстве и времени, оказывается в зависимости только от ближайшей точки в её окрестности. В квантовой же механике «можно полагать, что волновая функция, как считают некоторые физики, проявляется во всей Вселенной» (Davies P. The Cosmic Blueprint. New Discoveries in Nature's Creative Ability to Order the Universe. N.Y.: A Touchstone Book, 1989, p. 177).

В обосновании нового подхода к решению проблемы *идеального* (сознания, разума) можно сослаться и на высказывание известного американского физика Г.Степпа (на что впервые указал В.В.Налимов):

«Триста лет усилий не привели к согласованию представлений о разуме (mind) с концепциями классической физики... Классическая физика опирается на локальность, на редукционизм, на детерминистскую (точнее сказать, на жёстко детерминистскую. – А.Л.) концепцию природы, в которой сознание не находит себе логического (и, добавлю, *объективно реального*. – А.Л.) основания и способно выполнять только роль пассивного наблюдателя... квантовая же теория обратилась к нелокальности, отказалась от редукционизма и детерминизма в понимании природы» (Stapp H.P. A Quantum Theory of Consciousness. In: The Interrelationship Between Mind and Matter (Ed. By B.Rubik). Philadelphia, Temple University Press, 1992, p. 209). И, следовательно, указала верное направление поисков.

Казалось бы, путь к *теории идеального* (и, прежде всего, *теории сознания*) найден. «Но так ли это?» – спрашивает В.В.Налимов и отвечает неожиданно: «...Путь найден, но только для изучения *мозга*, а отнюдь не *сознания*. Иначе – опять ловушка» (Налимов В.В. Разбрасываю мысли, с. 37). Отчего же так?

Дело в том, что Налимов довольно своеобразно трактует понятие «сознания», необоснованно подменяя им более широкое понятие «информации». Но именно *информация* как *базовая идеальная сущность* лежит в основании всех иных теоретических конструктов, характеризующих *идеальность материи* не на одном социальном, а на *всех* уровнях движения материи (значения, значимости, ценности, смыслы, дух, психическое, ментальное и т.д. и т.п. и, конечно же, сознание). Понятие «информации» первично и в том смысле, что оно описывает исходный квантово-механический механизм генезиса (порождения, выявления) *активности идеальности материи*,

наличествующий уже на самом элементарном уровне движения материи. Родовое понятие «информация» - в соответствии с эволюционной картиной мира – развивается, усложняется и получает новые, конкретные имена: «значение», «значимость», «смысл», «дух», «психическое» и т.д. и т.п. и, конечно же, «сознание». И за всеми этими категориями стоят реальные идеальные сущности.

Поэтому вряд ли можно в полной мере согласиться с В.В.Налимовым, утверждающим:

«...Ведущая роль в изучении сознания, по-видимому, должна принадлежать математикам, физикам, биологам, но не психологам и философам. Последние оказались достаточно беспомощными – психологи наших дней ограничиваются преимущественно частными экспериментами, не пытаясь развивать всеохватывающие концепции, допускающие *вездесущность* сознания, философы же утратили связь с современной наукой и, прежде всего, с математикой и физикой, которая становится философской дисциплиной благодаря мировоззренческой широте своих концепций. Вне этих дисциплин не может формироваться современное мировоззрение» (Налимов В.В. Разбрасываю мысли, с. 39-40).

Разделяя общий критический пафос Налимова по отношению к издержкам в психологической теории и в философии (особенно в связи с их отрывом от современной физической теории и биологии), в то же время следует признать, что этот пафос чрезмерен и скорее свидетельствует о симпатиях автора к математике и физике, чем о знании автором реального положения дел в той же психологии и философии. С моей точки зрения, уже одно глубокое знакомство с классическими трудами И.М.Сеченова и И.П.Павлова, с продолжающей их современной функциональной теорией П.К.Анохина или, скажем, с фундаментальной экспериментальной теорией установки Д.Н.Узнадзе (представляющей собой, на мой взгляд, подлинно научную теорию бессознательного психического), с философскими концепциями идеального Э.В.Ильенкова и М.А.Лифшица позволяет отвести обвинения в непродуктивности психологии и философии, ведь именно эти теории не только воспринимают *вездесущность идеального*, но и раскрывают многое в *механизмах его генезиса и бытия, возникновения и существования*.

Но, в принципе, В.В.Налимов прав, выдвигая более строгие требования к теоретикам сознания (а значит, и в целом – к исследователям природы *идеальности материи*):

«Сейчас мы подошли к необходимости понять *Сознание* как феномен Вселенной (на этом, как известно, уже в начале XX века настойчиво писали К.Э.Циолковский и В.И.Вернадский. – А.Л.). Для этого нужна предельно *свободная* мысль... <>

...Важную роль в контексте обсуждаемого обретает *интуиционистский* подход. Предполагается, что *Вопросы* – это спонтанно возникающие творческие про-

цессы, не связанные (обязательно) с логикой (и, особенно, не связанные с формальной логикой «исключения третьего». – А.Л.). Они могут быть удачными или неприемлемыми, опережающими время. Таким образом, мы оказываемся вынужденными признать, что удачные *Вопросы* сами по себе вносят новизну в наше мышление. Иными словами, свежесть мысли задаётся, прежде всего, *Вопросами*. Порой дерзкими, алогичными. Мы часто слышим высказывания об упадке философии наших дней. Что может изменить ситуацию? Только смелость в постановке *Вопросов*, запрещённых современной парадигмой» (Налимов В.В. Разбрасываю мысли, с. 40).

Автор справедливо призывает к реабилитации **метафизики** как современного **синтеза науки и философии**:

«...В то же время мы не можем игнорировать *метафизику*, понимая, что далеко не всё в Мироздании доступно нашему опыту. Нужно быть смелее и признать, что мы живём в мире, сконструированном лишь из доступных нам фрагментов (обрывков) Вселенной. Недоступное может приоткрыться, если мы будем только ставить вопросы. Ничего не утверждая (абсолютно окончательно. – А.Л.). Обращение к вопросам, не имеющим ответа, – это уже *метафизика*. Только обращаясь к метафизике, мы можем приоткрыть тайну сознания Вселенной. Утверждение всегда сковывает мысль. В этом сила и слабость науки. Метафизика ограничивается вопросом – это расширяет горизонт мысли» (там же).

Синтез науки и философии является основой и ключевой задачей общей теории идеальности материи. Что же касается природы, то она, согласно А.Эйнштейну *незлонамеренна*; и, следовательно, готова точно отвечать на научные вопросы тех, кто сумеет их *правильно* поставить.

В ПОИСКАХ НОВОЙ МЕТАФИЗИКИ

Конечно, и физика, и философия имеют свои собственные коренные проблемы и хронические болезни, однако фатальная тупиковость их традиционно *самостоятельного* развития пока ещё не очевидна; лишь глубокий анализ основных постулатов современной философии и физической теории показывает, что, даже взятые *in cogrore*, эти науки не способны справиться с противоречиями, обнаружившимися в их базовых доктринах. И причина тут одна: всё нарастающий терминологический, а фактически – *сущностной*, разрыв между так называемой естественной и гуманитарной отраслями знания, концептуальное преодоление которого является едва ли не основополагающей методологической проблемой науки XXI века.

Отсюда – поиски новой *метафизики*. Похоже, что именно к ней всё чаще склоняются и представители ортодоксальной науки.

В этом смысле характерна статья академика Т.И.Ойзермана, сравнительно недавно опубликованная в профессиональном философском журнале. Если великодушно оставить в стороне её традиционно цитатнический и талмудистский подход («Маркс сказал...», «Энгельс сказал...»), то обнаружится удивительная вещь: на исходе XX века видный идеолог марксизма-ленинизма вынужден признать крах попыток именно *ленинского* варианта *диалектического материализма*, по меньшей мере, в истолковании своего базового понятия - сущности *материи* и её фундаментального свойства *идеальности*. Любопытно, что в устах Ойзермана «идеальное» осторожно именуется «духом», «духовным», но и это весьма симптоматично, если вспомнить, что традиционно советские диаматчики всегда, что называется, «на дух» не переносили само понятие «духа».

Характерны уже и сами по себе интеллектуальные страдания и рефлексивные изыски современного философа-материалиста:

«Если идеализм явно недооценивал природу, редуцируя её к личному сознанию или безличному духовному, - пишет Ойзерман, - то материализм... постоянно недооценивал развитие искусства, духовного вообще (например, интеллектуальности индивидуума» (*Ойзерман Т.И.* Опыт критического осмысления диалектического материализма. - «*Вопр. филос.*», 2000, № 2, с. 16). Одну из главных причин такой недооценки идеального со стороны марксизма Ойзерман усматривает в том, что «Маркс и Энгельс, создавшие диалектический материализм как теорию диалектического развития, которую они противопоставляли прежним эволюционистским концепциям, не разработали теории духовного развития человечества и вследствие этого не смогли преодолеть до конца материалистический редукционизм, т.е. одностороннее, принципиально недостаточное сведение духовного к материальному» (*там же*. Выделено мной. - А.Л.).

Бог с ними, с Марксом и Энгельсом: «не разработали», так не разработали, «не смогли», так не смогли; но почему же у развалин явно недостроенной теоретической конструкции остаются беспомощными их последователи? Почему многочисленные адепты диалектического материализма (по крайней мере, многие из тех, кто публично именуется сторонниками Маркса и Энгельса) продолжают с маниакальным упорством недооценивать проблему *идеальности материи*? Ойзерман так объясняет этот конфуз:

«...Диалектический материализм не дал своего (подчёркнуто Ойзерманом. - А.Л.) философского понятия материи, т.е. такого понятия, которое принципиально бы отличало его от предшествующего, метафизического (антидиалектического) материализма. ...Поставленная задача не была решена» (*там же*, с. 19). И опять же виноваты классики: «...Общее, диалектическое понятие развития, центральное понятие диалектического материализма остаётся у основоположников марксизма недостаточно разработанным» (*там же*, с. 22). Бедные Маркс и Энгельс!

Остаётся только посочувствовать им. А что же наш современный марксист-философ? Что предлагает он? Сегодня его излюбленный терминологический конёк – понятие «развития», на нём он и гарцует, объясняя нам отличие живого, полнокровного коня от аналогичной детской игрушечной качалки:

«Центральным понятием философии марксизма как учения о диалектическом процессе, - по мнению академика, - является понятие всеобщности (выделено Ойзерманом. - А.Л.) развития. ...Именно развитие понимается как процесс, включающий в себя всякое движение и изменение», - мысль Маркса и Энгельса, с которой Ойзерман не вполне согласен, полагая, что «движение, какова бы ни была [его] форма, само по себе не является развитием» (*там же*, с. 19). Пусть будет так, но ведь развитие, взятое даже в его всеобщности, само по себе не имеет никакого смысла, если оно берётся *вне и помимо материи* – исконного субъекта-объекта любого движения и развития. Так, оставаясь наедине с понятием развития, мы ни на йоту не приближаемся к пониманию *диалектики*, характеризующей специфику материи вообще и её развития, в частности. А природа диалектики, как мне приходилось уже не раз показывать, напрямую связана с природой *идеальности* материи.

Неразгаданная тайна диалектики порождает у материалиста, с одной стороны, нигилизм по отношению к диалектическим законам, а с другой – меланхолию, признание своей беспомощности в их истолковании. Задумчивый Ойзерман остаётся в плену у этой установки, сочувственно цитируя Энгельса: «С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватывается понятием «отрицание отрицания», я не могу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 20, с. 146); и, вместе с тем, печально констатирует: «задача дальнейшего развития материалистической диалектики, её обогащение новыми понятиями всё ещё остаётся нерешённой» (*Ойзерман Т.И.* - «*Вопр. филос.*», 2000, № 2, с. 30).

Словом, философия опять виновата в том, что «нынче худой урожай ячменя»...

Кстати, Т.И.Ойзерман недавно опубликовал очередную статью под двусмысленным заголовком: «Амбивалентность социалистической (коммунистической) теории марксизма» («*Вопр. филос.*», 2008, № 11, с. 32-44), в которой лукавым словечком «амбивалентность» (обозначающим *двойственность*, нечто, вызывающее противоположные чувства, например, удовольствия и неудовольствия) фактически пытается осудить марксизм, дерзнувший потрясти мировую историю. Вообще-то каждый специалист в любой отрасли знания неизбежно амбивалентен (или «похож на флюсу» - по остроумному замечанию незабвенного Козьмы Пруtkова). Амбивалентен и

бывший марксист Т.И.Ойзерман: вчера он высоко возносил «истинность» марксизма, а сегодня глубоко ищет в этом великом учении всяческие изъяны (а почему бы этому «дерзкому» марксизму – с его более чем полуторавековой сложной, драматической, но и славной историей – и ни иметь их?).

КВАНТОВАНИЕ, ИЛИ ПРИНЦИП ЗАПРЕТА

А ведь Богу – богово, а кесарю – кесарево. От рождения мы видим процессуальный, а следовательно, *разделённый* мир: точнее было бы сказать, мир *разнообразный*, ибо прежде всего мы постигаем *разность отношений*, т.е. выявляющиеся в процессе различия *одного и другого*. Так, для рождающегося человеческого существа первым (и всё определяющим в его последующей жизни) потрясением является процесс **отделения от материнского чрева**.

Плод созревал в имманентном представлении, что он является *частью* чего-то вселенского, единого, но вот неожиданно привычный для него мир рушится: для полуспящего ума привычный уют, нерасторжимость, слитность с плодоносящей средой каким-то непостижимым образом прерываются (что проявляется отторгающими тисками, вспышкой боли, разрывом пуповины), и перед крохотной утраченной и отрешённой плотью предстаёт мир иной – *разъединённый, пустой и холодный*, в котором пусть пока и неясно, интуитивно угадываются ужасные, смертельные угрозы.

Первое, что мы постигаем от рождения – пустое пространство, которое безжалостно отделяет нас от спасительного материнской защиты и засасывает в какой-то удушающий, голодный омут беспредельности. Тёплая плоть материнского тела и холодная враждебность пространства – такова первоначальная *двойственность* мира, мгновенно постигаемая нами – и, к тому же, постигаемая насильственно, не по нашей воле.

Акт рождения манифестирует собой не что иное, как *разделение*, разделённость и квантованность мира, его расположенность к целевым и целостным разрывам постепенности, скачкам, т.е. к существованию *индивидуальному*, при котором всеобщность разделения компенсируется (имитируется) *локальной целостностью*. Самосознающий себя человек наивно полагает, что он целостен и самодостаточен, ибо, прежде всего, он ощущает свою автономность, свою отвязанность от *других* и от *всего другого*. Настанет миг, и ребёнок отправится в самостоятельный путь, который откроет ему не столько новые пространства и миры, сколько восхитительное чув-

ство свободы, т.е. восприятие наличия в нём его собственной торжествующей самости, индивидуальности, независимости от других и от всего другого.

Эта иллюзорность целостности (самодостаточности) будет всю жизнь сопровождать человека – как зло и как благо, суля великие разочарования, душевные страдания и подвигая на активность в поисках новизны и самореализации. Лишь мудрость поставляет нам спасительную мысль о нашей *тотальной зависимости* от других, подобных нам, и от всего другого, но эта мудрость оплачивается несвободой, покоем и созерцательностью.

И, тем не менее, нам легче постигнуть именно *разделённость*, а не *целостность* мира. Видя отдельные объекты, находящиеся в своих собственных границах, видя автономные и столь не похожие друг на друга дискретности (цветок и камень, землю и воздух, огонь и воду), мы с трудом преодолеваем горизонт *видимого* и часто не находим доказательств всеобщей связи “всего со всем”. Квантуемость сама по себе содержит некий *принцип запрета проницаемости одного в другое*. Неорганическая материя в нашем мире реально не порождает органическую, вишня не порождает грушу, овца – волка, автомобиль – компьютер. Всё в нашем мире, так или иначе, ограничено, и человек охотнее изобретает и утверждает всё новые и новые *границы*, чем разрушает их, потому что ограничения тождественны возникновению *новых* дискретностей (и ему кажется, что он *творит* новый мир), тогда как утрата границ представляется ему едва ли не утратой индивидуальности, своей самости, своей свободы творчества.

Между тем, универсум, подобно «Qual» (мукe материи, напряжению, жизненному духу) у Якоба Бёме, имманентно *жаждет* единства, целостности, дабы сохранять свою универсальность. Это неустраняемое противоречие – между индивидуальностью человека и потенциальной целостностью универсума – составляет основу всех коллизий нашего земного существования. Противопоставляя себя природе, человек мистифицирует мир, поскольку сам он – *часть* природы, назначение которой, быть может, в том и состоит, чтобы, постигая мир в целом, *содержать* его в гармоничной целостности. Человек – не что иное, как “сознающая себя материя”, и ему остаётся только понять, зачем материи вообще понадобилось *смотреть в себя*, как в зеркало, *осознавать себя*, и к чему же это всё, в конце концов, приведёт?

Мироздание заключает в себе *гностический принцип* как тотальность. Это означает, что любая дискретность мира, независимо от её конкретных пространственно-временных величин и со-

стояний, нуждается в некоей комплементарности (взаимодополняемости), в некоем *сущностном контакте* с другими дискретностями – либо того же рода, что и она сама, либо противоположного, либо тех же свойств, либо одной и той же функции, а следовательно, нуждается в родственном *духе*, в *идеальности* – в *информации*, в знании существенных сущностей этого *другого*. Никакое взаимодействие невозможно без “распознавания” одной дискретностью другой и “осознавания” наличия (или отсутствия) условий для их взаимодействия. При этом взаимодействие нередко ограничивается обменом *информацией* (т.е. всё той же *идеальностью*).

Из этого вовсе не следует, что всё заранее предопределено, и что какой-то *катион* не только “ищет” *анион*, но и обязательно с ним встретится. Реально только то, что он *предрасположен* к такой встрече, но сама по себе она зависит от многих случайностей, характеризующих *вероятность* их встречи. Дело в том, что никакая дискретность не существует сама по себе, напротив, она “перемешана” с другими дискретностями, которые, к тому же, пребывают в различных состояниях и процессуальностях; таким образом, любая дискретность (от квантовой частицы до человека) изначально находится в “спутанном” состоянии. Всё это означало бы торжество *разделённости* мира, если бы дискретности были пассивны. Однако разводящее дискретности *квантование* включает в себе предпосылку *самодвижения*. Став индивидом, дискретность получает степени свободы, которых она была лишена, будучи интегрированной в “ансамбли” (совокупности, множества, социумы и т.п.). При этом решающее значение получает *разномасштабность* дискретностей и их *разнокачественность*, наступающая и постоянно растущая с момента деления, нарушения симметрии, киральности (хиральности) мира (и, соответственно, возникающие при этом разные *классы идеальности*).

ЧТО ТАКОЕ «РАЗДЕЛЕННОСТЬ» И «ЦЕЛОСТНОСТЬ»?

Как будет показано в данной работе, ключевой идеей *общей теории идеальности материи* является *идея соотносительности (сопряжённости) двух родовых интенций универсума*, а именно его нацеленности на *деление (прерывность)* при всё при том, что одновременно он, несомненно, стремится, во что бы то ни стало, сохранить свою *целостность (непрерывность)*. Любопытно, что эта дихотомия тесно связана с многовековыми сражениями друг с другом

идей материализма и идеализма. Здесь мне хотелось бы сослаться на работу «О современной форме атомизма» известного русского физика-теоретика М.А.Маркова – специалиста в области квантовой электродинамики, релятивистской теории элементарных частиц и нелокальных теорий поля:

«Существенно подчеркнуть, что атомизм всегда, как правило, находился в арсенале материалистической философии. Для философских схем субъективного идеалистического толка в вопросах естествознания часто была характерна антиатомистическая направленность. Это правда, что идеи непрерывности наряду с атомизмом (т.е. с прерывностью, дискретностью. – А.Л.) играли существенную роль в развитии наших представлений о природе, но идеи непрерывности часто облекались в негативную форму чистого скепсиса.

Ещё недавно Освальд обвинял сторонников атомизма в скудоумии. Объяснять химические явления атомами также глупо, писал знаменитый химик, как объяснять действия паровоза тем, что там спрятана лошадь. Ещё недавно существование электрона для «эмпириокритически» настроенных людей, например Э.Маха, было бы не более убедительно, чем признание существования чертей и ведьм.

Дело, конечно, совсем не в том, что дискретность «материалистична», а непрерывность «идеалистична». Видимо, дело в том, что атомизм создаёт обычно очень конкретные образы, которым естественно придавать объективную реальность. Атомизм всегда был более свойствен действительному, оптимистическому материализму. Идеи непрерывности, связанные часто с критикой материалистического атомизма, дают большой простор для скепсиса и субъективного идеализма вообще.

Но борьба идей дискретности и непрерывности отнюдь не лежит в аспекте борьбы идеализма и материализма. Борьба идей дискретности и непрерывности в физике, очищенной от случайных моментов, смена этих представлений на различных исторических этапах – это естественное противоречие в развитии взглядов на материю, которое отражает своеобразное единство прерывного и непрерывного, *осуществляемое в самой природе* (выделено мной. – А.Л.)» (Марков М.А. Избр. труды. Т. I. – М. : Наука, 2000, с. 410).

К сожалению, дискретность и целостность (прерывность и непрерывность) мира ещё нередко рассматривают в отдельности. Новое миропонимание – миропонимание XXI века – требует *доктринального объединения* этих двух фундаментальных состояний универсума в единой теории, т.е. такого описания мира, которое бы учитывало *одновременность* этих двух родовых интенций универсума. Такое, на первый взгляд, простое теоретическое условие в действительности буквально взрывает старое мировоззрение.

Могут сказать, что *одновременность* протекания обеих интенций универсума – это всего лишь гипотеза, требующая доказательств. Доказательства последуют. Но уже одно это *признание* одновременности двух родовых интенций универсума (т.е. его по-

стоянного деления, квантификации при его же постоянном устремлении к целостности) позволяет по-новому взглянуть и на базовые принципы существования мира и на природу многих его сущностей.

Видный венгерский философ Дьёрдь Лукач (1885-1971) в своей «Онтологии общественного бытия» так характеризовал сопряжённость дискретности и целостности (в гегелевских понятиях «прерывности» и «непрерывности»): «Если мировую историю (в широком смысле слова) рассматривать как соразмерное бытию выражение единства и синтеза того универсального процесса, в котором настоящее и прошедшее, насколько это возможно, могут стать для нас познаваемыми в качестве бытия, то прерывность и непрерывность с их диалектической взаимосвязью и одновременно противоположностью, несомненно, являются категориями, характеризующими свойство этого процесса самым непосредственным образом. Так как комплексы, взаимоотношения которых познаются в их необратимом развитии, как мы уже знаем, являются гетерогенными сами по себе, то само собой разумеется, что и эти процессы не могут быть гомогенно равнозначными. Одним из решающих моментов, где это взаимодействие составных частей, частичных процессов и т.п. получает выражение, является именно то, что мы обычно называем в самом общем виде прерывностью. Но она никогда не может полностью вытеснить непрерывность; обе категории находятся по отношению друг к другу в постоянном соотношении: нет непрерывности без моментов прерывности и ни один момент прерывности не может полностью совершенно однозначно прервать ни одну непрерывность» (Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прелегомены. М.: Прогресс, 1991, с. 179-180).

Далее Д. Лукач иллюстрирует этот философский вывод родовой метаморфозой бабочки – процессом, уже ставшим для диалектиков классическим примером отрицания отрицания: «Родовые процессы также поэтому протекают – в нормальном случае – преимущественно в непрерывных формах; из процесса совокупления, например, бабочек, возникает [в конце концов] также бабочка. Но это только если речь идёт именно о развитии рода, который, в конечном счёте, как всеобщность [категориально] должен быть непрерывностью. Но этот процесс при нормальном течении, проходя путь через яичко, гусеницу и куколку, обнаруживает в том же самом отношении и явную прерывность, так как воплощения этих этапов, в высшей степени различающихся друг от друга, являются составными частями самовоспроизведения рода и, будучи его различными этапами на пути к осуществлению, должны непрерывно сменять друг друга. Мы снова привели здесь этот пример потому, что... он играет известную роль в попытке Гегеля представить отрицание отрицания в качестве [всеобщего] факта природы» (там же, с. 180).

Словом, выявленный механизм соотносительности универсален. Если, например, рассматривать любую новую теорию как прерывность (дискретность), а бесконечный процесс познания – как непрерывность (целостность), то их соотносительность (сопряжён-

ность) не вызывает сомнения. При этом, чем мощнее новая теория противостоит старым, тем успешнее может быть продолжен и процесс познания мира. Понятно, что любая дискретность «прорастает» из целостности. Сошлюсь на мнение бунтующего философа и известного методолога науки П.Фейерабенда (род. 1924 г.): «Гипотезы, противоречащие подтверждённым теориям, – утверждал он, – доставляют нам свидетельства, которые не могут быть получены никаким другим способом. Пролиферация теорий благотворна для науки, в то время как их однообразие ослабляет её критическую силу» (Фейерабэнд П. Избр. труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986, с. 166).

Пролиферация (то же, что пролификация), например, в биологии означает процесс разрастания ткани (животного или растения) путём новообразования клеток; так, происходит прорастание какого-либо органа растения из другого органа, закончившего рост (к примеру, развитие из цветка облиственного побега, нового цветка или же нового соцветия). Иногда это – аморфный процесс новообразования (типа ракового), иногда – конструктивный, формообразующий.

Существует и более сложная, внутрисистемная пролиферация (сопряжённость) живых организмов, выражающаяся в их эволюционной взаимозависимости. Правда, эта, в лучшем случае, интуитивно воспринимаемая соотносительность внутри биогеоценоза, эта, по сути, целостность мира, как правило, камуфлируется уникальностью каждого вида и не всегда находит отражение в теоретических построениях биологов. Заслуживает внимания наблюдение немецкого философа и эстетика Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803), друга И.В.Гёте, автора трактата о происхождении языка: «Каждый вид заботится лишь о себе, как будто он один на белом свете, а на самом деле рядом с ним – другой вид, который ограничивает его поле деятельности. И лишь в таком соотношении противоположных друг другу пород нашлось у творческой Природы средство сохранить целое» (Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М.: 1977, с. 45).

Сопряжённость – один из ключевых терминов, которые широко использует известный русский биолог Ю.В.Чайковский в своей капитальной монографии «Активный связный мир: Опыт теории эволюции жизни». У сопряжённости, по мнению автора, два основных вида: повторность форм и согласованность явлений; усложнённая форма сопряжённости ведёт к появлению новых уровней организации. У термина есть латинский прототип: *conjunctio* и несколько английских понятий: *associability* (инж.), *coaction* (биол.), *conjugacy* (физ.), *contingency* (признаков), *consilience*; последнее понятие, полагает Чайковский, предпочтительнее. К тому же оно уже послу-

жило заглавием пионерской работы Вильсона (Wilson E.O. Consilience. The unity of knowledge. N.Y., 1998), утверждающей взаимосвязь явлений, внешне не связанных. Сопряжёнными также могут считаться симбионты, два пола, геном и «геномные симбионты» (транспозоны) и т.д. и т.п. Сопряжённость является атрибутом или составной частью целостности, но не её синонимом (см.: Чайковский Ю.В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. – М.: 2008, с. 302).

Понятия *связности, сопряжённости, соотносительности* (как способов проявления *интенции универсума к целостности*) становятся стратегическими в современных исследованиях. Так, эволюционным теориям – ламаркизму, жоффруизму и дарвинизму, – основанным на идее дискретности видов и среды их обитания, сегодня противостоит **коэволюция** (сопряжённая эволюция) – универсальная теория, трактующая мир живых существ как своего рода *единый организм*.

Сопряжённость обнаруживается во всех основных категориях, образующих своего рода бесконечную «цепь» познания. *Пролиферация теорий* – это, несомненно, благоприятный процесс «вырастания» новых теорий на основе старых, уже развившихся. Так в социуме проявляется взаимосвязь и преемственность *классов идеального*.

Известно, что наука два столетия преодолевала ньютонианство – *механическое мировоззрение*, основанное на представлениях о существовании некой *первоматерии*, состоящей из мельчайших частиц. Иначе говоря, в науке господствовала *парадигма разделённости*, а само познание, как правило, сводилось к *процедуре редукции*, т.е. к последовательному «дроблению» изучаемого объекта на всё более «мелкие» и простые его составляющие. Но затем в проблеме структуры материи, в фундаментальном и древнем понятии «*состоит из...*» возникло нечто новое и, может быть, подчёркивает физик и философ М.А.Марков, «наиболее фундаментально важное за всю историю существования этого понятия» (Марков М.А. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира // Диалектика в науках о природе и человеке: Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания / Эволюция материи и её структурные уровни. – М.: Наука, 1983, с.237).

Квантовая теория изменила общий взгляд на мир, и именно она привнесла совершенно новое понимание старого понятия «*состоит из...*». Согласно квантовой теории принципиально нельзя построить данный объект микромира из частиц всё меньших и меньших масс, занимающих всё меньшие объёмы. Дело в том, что, в соответствии с введённым в теорию Гейзенбергом *соотношением не-*

определённости, их энергия, а следовательно, и масса должны возрастать с уменьшением их области локализации в данном объекте, достигая *бесконечных* величин.

В результате в теории возникла противоположная идея; строить частицы данных масс из более фундаментальных частиц, обладающих большими массами (идея строить π -мезоны из более тяжёлых – в несколько раз – нуклонов и антинуклонов, а сами нуклоны – из более тяжёлых кварков). Подобные идеи, поясняет М.А.Марков, не могли возникнуть ни у Демокрита, ни у Лукреция, ни у физиков более позднего времени. Такая идея могла возникнуть лишь в новое время вместе с *теорией относительности*, после установления Эйнштейном известного соотношения между массой m и энергией E тела: $E = mc^2$. Таким образом, значительное уменьшение массы системы требует сильных (стремящихся к бесконечности) взаимодействий между частицами, составляющими данную систему (см.: там же, с. 236).

Иначе говоря, господствовавшая ранее идея *абсолютной дискретности мира* обнаруживала свою несостоятельность.

«Если в старой атомистической концепции возникал вопрос о возможном существовании какой-то мельчайшей из малых частиц, в буквальном смысле «атомов» вещества, то в новой концепции законен вопрос о возможном существовании в природе элементарной частицы предельно больших масс, которая могла бы играть роль элемента фундаментальной материи» (там же, с. 237). Как мы теперь понимаем, природа недвусмысленно указывает на свой *связный характер*. М.А.Марков предложил назвать эту гипотетическую частицу «*максимомом*»: «В рамках общей теории относительности максимом можно рассматривать как элементарную чёрную дыру, образованную из сколлапсированных известных и пока неизвестных элементарных частиц. Допустим, что можно представить себе такую модель элементарных частиц, в которой структурной единицей типа кварков (субкварков) больших масс явились бы максимомы. Мы видим, таким образом, что принципиально, по крайней мере, мыслима такая концепция, в которой нет первоматерии. И иерархия разнообразных форм материи как бы замыкается на себя» (там же, с. 238, примеч.).

По мнению М.А.Маркова, *идея первоматерии* создаёт большие принципиальные трудности для познания мира и, возможно, ведёт к агностицизму (см.: Марков М.А. О природе материи // Будущее науки. – М.: 1976), ведь свойства первоматерии не могут быть получены или истолкованы как результат каких-то более фундаментальных свойств материи. Свойство первоматерии по неизбежности должны быть ей *приписаны* – на это обстоятельство обратил внимание уже Ньютон, отдавший всесильному Богу право не только творить вещество, но и придавать ему определённые свойства (см.: Ньютон И.

Оптика. – М.: 1954, с. 303).

Божественному идеалу науки Исаака Ньютона противостоит рациональный идеал науки Альберта Эйнштейна, согласно которому, задача учёного заключается не только в том, чтобы узнать «как устроена природа», но и по возможности понять, «почему природа является именно такой, а не другой» (Эйнштейн А. Собр. науч. тр. Т. 2, с. 245). Это значит, что если уж и пользоваться термином «первоматерии», то её свойства должны не задаваться Богом, как об этом писал Ньютон, а научно *обнаруживаться* естественным образом в многообразии форм материи. При этом мы должны исходить из квантовой реальности, показавшей, что «любая из так называемых элементарных частиц требует для своего полного, исчерпывающего описания использования наличия всех других частиц, существующих в природе вследствие наличия прямого или непрямого взаимодействия между ними (выделено мной. – А.Л.). Каждая элементарная частица в какой-то мере «состоит из всех элементарных частиц» (Марков М.А. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира, с. 240).

Древние мыслители, исходившие из своей интуиции, были правы: «*всё состоит из всего*», универсум не только *дискретен*, но и одновременно *целостен*, то есть, *замкнут на самого себя*. И именно из этой **фундаментальной диалектики дискретного и целостного** вытекают все основные свойственности (материальные и идеальные свойства) мира. Такова фундаментальная основа как теории материи в целом, так и общей теории идеальности материи, в частности.

Иначе говоря, соотносительность справедлива и для диалектики идеального и материального. Их диалектика тоже всеобща. На её сущность как основу самого бытия постоянно натапливаются и философы, и литераторы, описывающие глубины жизненного пространства, и особенно поэты, наделённые интуитивной метафорической мудростью, интуитивной способностью проникать в сверхчувственное, трансцендентальное, за грани посюстороннего мира, всматриваться в природу и в нас самих «со стороны», находясь, например, «на стороне вещей». Такова, например, поэзия оригинального французского мыслителя Франсиса Понжа – феноменолога и экзистенциалиста.

Для того чтобы открыть для себя мир Понжа, нужно заглянуть в его сборник стихотворений в прозе «*На стороне вещей*», в одночасье сделавший поэта широко известным. В книге обнаруживается блистательный универсальный поэтический приём Понжа, о котором прекрасно говорит итальянский писатель Итало Кальвино в своей литературоведческой работе «Зачем читать классиков»:

«...Берутся самый незатейливый предмет, самый будничный жест, и производится попытка изобразить их помимо привычного восприятия, помимо знакомых речевых приёмов, потерявших остроту от частого употребления. Таким образом, вещь, столь безразличная и даже аморфная, вдруг обнаруживает неожиданную многогранность... И происходит это не по какой-то внешней причине (каковой была бы причина символическая, идеологическая или эстетическая), но лишь потому, что нам по-новому открываются вещи как таковые, а также различия между одной вещью и другой, между вещью и нами. Мы вдруг обнаруживаем, что существование может быть гораздо более насыщенным, интересным и правдивым, нежели то рассеянное состояние, в котором застыл наш дух...»

В августе 2000 года в издательстве «Гнозис» книга Франсиса Понжа «На стороне вещей» впервые вышла в переводе на русский язык. Трудно оторваться от причудливых фантазий французского поэта, по своему раскрывавшего диалектику идеального и материального. Впрочем, предоставляю слово одному из русских критиков, талантливо откликнувшись на это духовное интернациональное событие (Ашкерова А. По ту сторону Понжа // «Русская жизнь» / WEB-журнал «Русское поле», 30.01.2002):

«Гуманистическая литература прошлого века перенасыщена метафорами, указывающими на человекоподобие вещей, становящихся похожими то на человека целиком, то на какую-то часть его тела. Или, наоборот, оказывается перегруженной метафорами, описывающими людей, которые принимают облик какой-то вещи, превращаясь, в лучшем случае, в захваченных заложников, а в худшем – в бесправные доведки...»

Семантическое пространство такого рода литературы, замороженной собственной близостью к философии, разворачивается между феноменологией и экзистенциализмом...

И вместе с тем, вовсе не стоит выбирать между феноменологической вещественностью вещи, окутывающей её плотным непроницаемым облаком (которое никогда не позволяет нам понять, есть ли за ним что-либо ещё) и экзистенциалистской человечностью человека, заслоняющей человеческое существо не менее плотной дымовой завесой (которая скрывает, что за ней никогда ничего и не было). В обоих случаях мы остаёмся одинаково неосведомлёнными ни о вещественности человеческого тела, ни о телесности вещей, окружающих человека.

Франсис Понж является пленником этой неосведомлённости.

Думая, что оказывается «на стороне вещей», он остаётся в неведении относительно того, что человек более вещественен, чем любая из них. В то же время, полагая, что на человека можно взглянуть с той, «другой», стороны, Понж недооценивает, насколько подчас человекообразны вещи, более того, что именно связь с человеком позволяет им жить своей жизнью.

Нет ничего отчуждённей в мире желанной близости, нежели вещь, которую мы безосновательно считаем абсолютно своей – человеческое тело...»

Полагаю, Андрей Ашкерев не вполне справедлив, обвиняя поэта Франсиса Понжа в том, чего по праву заслуживают истинные и истовые *феноменологии и экзистенциалисты*. И, к счастью, Ашкерев тут же поправляет себя:

«Не спешите осуждать Понжа. Не спешите вменять ему в вину традиционность и неактуальность. Прелесть его работ в том, что почти каждая из них – законченное стихотворение в прозе, а испепелять поэтов взглядом, отражающим лишь заученное пренебрежение философов – последнее дело, которое сродни предательству старого товарища или удару, нанесённому из-за угла.

И вера в вещественность вещей, и вера в человечность человека для Понжа лишь повод обратиться к поэзии, для которой и вещественность, и человечность не более чем резервуары, наполненные метафорами...

...С поэтической бесшабашностью Понж устраняет границы между «идеальным» и «материальным», описывая некоторые живые существа так, как будто они являются вещами, а некоторые вещи – так, как будто они представляют собой одушевлённые предметы. И в самом деле, что может быть механистичнее:

- осы, напоминающей «крошечный странствующий сифон»;
- куска когда-то пульсировавшего мяса, похожего на остановившийся завод «со ступками и прессами для крови»;
- бабочки, смахивающей на летящую спичку, пламя которой ни для кого не опасно;
- моллюска, упакованного в створках своей раковины, как краска в тюбике;
- И что, с другой стороны, может быть живее:
- вокзала с кошачьими усами;
- картофеля, «раздевание» которого никак не просто освобождение от кожуры, но жест демонстрации самой округлости совершенства;
- кровати, предстающей земным воплощением стыдливости;
- мха, тысячи трубочек которого способны, как солдаты, по команде усесться «по-турецки»;

- апельсина, приносимого в жертву нашей любви к прекрасному (а в апельсине прекрасно всё – и прохладная кожа, услаждающая нас игрой светотени, и трепещущее плотное тело, и сок, конденсировавшийся в себе солнечные лучи) и т.д.?

Впрочем, для Понжа переход живого в неживое, из неодушевлённого в одушевлённое состояние неуловим...

Только для одной «вещи» Понж всё же делает исключение, настаивая на её особой одушевлённости и рассматривая её не в контексте взаимобратимости материального и идеального, но в контексте их изначальной разделённости.

Эта «вещь» именуется ЧЕЛОВЕКОМ.

Мысля душу как центр тяжести человеческого тела, автор «На стороне вещей» видит в ней вовсе не некий результат перехода, но некую переходную сущность, ещё точнее, сущность переходности. Душа постоянно нуждается в определённом предмете, присовокупляясь к которому, она способна утвердить отношение, высокопар-

но именуемое бытием.

Именно душа, как пишет Понж, не позволяет нам достичь «равновесия с природой», слиться с ней. Именно наличие души делает человека человеком, противопоставляя его разом и природному, и божественному (причём оба они слиты для Понжа воедино)...

В итоге [душа] разом воплощает в себе и Вещественное, и Человеческое...

Поэзия Понжа важна для общей теории идеальности материи как один из примеров интуитивного постижения диалектики природы и, особенно, фундаментальной, но едва уловимой в обыденном мире *второй* родовой интенции универсума – к *целостности*.

Сопряжённость идеи *дискретности* с идеей *целостности мира* как методологическая основа миропонимания всё ещё продолжает завоёвывать себе законное место в сознании мыслителей. Но чему здесь удивляться, если, например, сакральное, казалось бы, для физики понятие «энергии» стало её краеугольным основанием лишь в XIX веке, и притом в весьма драматических обстоятельствах! Когда в 1824 году молодой (и, к сожалению, рано умерший) французский инженер Н.Л.С.Карно сформулировал в отдельном, частном случае фундаментальный *принцип сохранения энергии*, самого понятия *энергии* ещё не существовало: физики говорили тогда о некой *силе, производящей работу*. Как известно, понятие энергии впервые было введено в 1850-х годах шотландским инженером и физиком, одним из основателей термодинамики У.Д.М. Ранкином (1820-1872). Но этим дело не закончилось.

«Закон сохранения энергии, - свидетельствовал В.И.Вернадский, - вошёл в жизнь окончательно в 1860-х годах, и был ярко высказан немецким врачом Р.Мейером в Вюртемберге, посаженным в связи с этим в больницу для умалишённых (в 1847 г.), откуда он едва вырвался. Большую роль играли в выяснении этого основного закона пруссак Г.Гельмгольц (1821-1894) в Берлине, и математик и физик Г.Киргофф (1824-1887) в Бонне» (*Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Труды Биогеохимической лаборатории; т. XVI. – М.: Наука, 1980, с. 113).

Сегодня, к счастью, теоретиков, отстаивающих **всеобщность идеальности материи**, не сажают в больницу для умалишённых; но и не спешат разделить с ними эту фундаментальную истину.

По-прежнему недостаточно осознаётся тот капитальный факт, что фундаментальное понятие *идеальности материи* является тем концептуальным «деревом», от которого ответвляются многие понятия, основополагающие для целого ряда конкретных наук. Так, мощными ветвями его несущего ствола являются *теория жизни* и *теория сознания*. Притом за этим «деревом» всё ещё зачастую не видят «леса», а именно внутреннего *родства* всех идеальных феноменов и, прежде всего, феноменов жизни и сознания, с объективно

существующим всеобщим свойством *идеальности материи*.

Принято считать, что *теория жизни* является основным предметом биологии. Между тем, как подчёркивал наш выдающийся биолог, в действительности даже в начале XX века биология всего лишь пыталась понять отдельные, конкретные жизненные проявления, и не более того (см.: *Гурвич А.Г.* Теория биологического поля. – М.: 1947). Изучением жизни как космического феномена, жизни как целостности, впервые в истории науки систематизировано занялся наш великий натуралист В.И.Вернадский, отказавшийся от обыденного понятия «жизнь» (имевшего в науке явный мифологический привкус) и заложивший подлинно научные основы понимания этого мирозидательного феномена, переведя его в теорию в качестве нового понятия – «*живого вещества*».

Как глубокий, scrupulous натуралист и крупный философ, В.И.Вернадский обобщил накопленные к началу XX века представления о живом веществе, полагая, что в основе всего современного ему естествознания «лежат три «широких и глубоких эмпирических обобщения», которые он возвёл в ранг принципов (законов) универсума:

«Первый будет принцип, высказанный Ньютоном в 1678 году, – *принцип сохранения массы вещества* в окружающей нас реальности, во всех изучаемых нами явлениях. Он был признан окончательно в середине XVIII – в начале XIX вв.

Вторым будет *принцип Гюйгенса*, высказанный им в предсмертной работе 1695 года и ставший известным в начале XVIII века. Этот закон природы гласит, что *жизнь есть не только земное, но и космическое явление*. Это представление ещё только входит в научную мысль. [В последнем своём труде «Космотеорос», законченном за несколько недель до своей смерти, Х.Гюйгенс указывал, что «материальный состав и силы во всём Космосе тождественны и что жизнь есть космическое явление, в чём-то резко отличное от космической материи» (*Гюйгенс Х.* Книга мироздания (Космотеорос). – СПб.: 1717-1721). Вернадский цитирует эти слова в своей работе «О состояниях пространства и геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия».]

Третьим принципом будет *принцип сохранения энергии*, аналогичный сохранению массы Ньютона, охвативший XIX век» (*Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии, с. 112).

Именно принцип Гюйгенса (нидерландского учёного, создателя волновой теории света и автора одного из первых трудов по теории вероятностей), отстаивающий целостный - всемирный, галактический - взгляд на феномен жизни, позволил Вернадскому за-

ложить основы научного понимания *специфики* живого вещества, а вместе с тем и *идеальности материи* как таковой.

Показательно, что ход мысли философствующего Л.Н.Толстого в последние годы его жизни был очень близок к раскрытию тайны дихотомии материальности-идеальности мира (см. его дневниковую запись от 23 марта 1908 года):

«Вся жизнь – материальные процессы, развитие и соотношение существ. Хорошо, но что же такое *отдельность* (выделено мной. – А.Л.) существ, сознание каждым существом своей отдельности? Ведь если есть только материя, то материя эта должна быть вся единою, нераздельною. Что же такое значит то, что некоторые соединения материи сознают себя отдельными от всех других?» (*Толстой Л.Н.* Божеское и человеческое. – М.: «ЭКСМО-Пресс», 2001, с. 136).

Наше обыденное сознание нередко ошибочно полагает, что именно разделённость, индивидуализация, отдалённость друг от друга отдельных существ (и не только существ человеческих, но и «некоторых соединений», а по сути, любых объектов, дискретностей) характеризует универсум, тогда как сознание (высший класс идеальности материи) якобы наивно указывает на его единство, нераздельность. Но в действительности всё обстоит как раз наоборот. Подчеркну ещё раз: дело не только и не столько в том, что эти существа, точнее, сущности (некие дискретности) сознают себя отдельными, дело в том, что хотя они и существуют в отдельности *объективно*, но эта же объективность распространяется и на условия *единства, нераздельности, целостности универсума. Одновременно существует – и то, и другое.*

ПАРАДИГМА «ИНФОРМАЦИИ»

Размышления о разделённости и (одновременной!) целостности универсума далеко не тривиальны, именно их диалектика порождает все те феномены, которые мы по праву объединяем под категорией *идеальность материи*, а именно *жизнь, дух, значение, значимость, ментальность, психика, сознание*. При этом XX век обогатил науку ещё одним обобщающим понятием, универсально отображающим свойство идеальности материи, – я имею в виду фундаментальную категорию *информации*, экспликация которой знаменует собой новый этап в развитии человеческого познания и преобразования мира, начало качественно нового, информационного этапа становления нашей цивилизации. Объясняющая идеальные феномены, информационная парадигма науки, наконец-то, реабилитирует мистифицированный философией *дух* (т.е. *идеальное*

как таковое) и утверждает законность идеи В.И.Вернадского об активности *научного знания*, превращающего биогосферу Земли в безграничную по своим возможностям **ноосферу** Вселенной.

И здесь я прошу читателя сосредоточить всё своё внимание для того, чтобы в полной мере (пусть даже критически) воспринять главную, можно сказать, основополагающую идею, раскрывающую *генезис и сущность идеальных феноменов*.

В XX веке наука пришла к осознанию того ключевого факта, что *идеальная по своей природе информация* (как наиболее общее понятие *идеальности материи*), отражая фундаментальный релятивизм мира, объективно *порождается* в результате *отношений* (*соотносительности, сопряжения и взаимодействия*), по меньшей мере, двух (или более) дискретностей универсума. Эта формула восходит к работе И.М.Сеченова «Элементы мысли», опубликованной в 1887 году и содержащей следующее определение одного из наиболее привычного для человека феномена идеального: «всякую мысль, какого бы порядка она ни была, можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» (Сеченов И.М. Элементы мысли // И.М.Сеченов, И.П.Павлов, Н.Е.Введенский. Физиология нервной системы. Избр. труды. Вып. I. – М.: 1952, с. 295). Нетрудно заметить, что это определение пока ещё ограничено сферой мышления (сознания) и только косвенно распространяется на предметный, природный мир. Лишь в начале XX века, после экспликации *понятия информации* и постепенного развития общей *теории информации*, стало понятно, что формула Сеченова имеет более глубокий, по существу всеобщий, фундаментальный характер.

Это утверждение можно верифицировать, поставив контрольный вопрос: если сама по себе информация является фундаментальным свойством универсума, то в этом последнем должны существовать и некие *исходные* фундаментальные **парные структуры**, порождающие информацию (идеальность материи). Так ли это?

Ответ не заставляет себя ждать. В XX веке была окончательно осознана фундаментальная роль симметрий как структурной основы мира. Современная, претендующая на статус «теории всего», физическая *теория струн* (*суперструн*) однозначно подтверждает: *универсум основывается на фундаментальной симметрии, на парности дискретностей*. Вот как об этом пишет профессор физики и математики Колумбийского университета, один из создателей теории струн Брайан Грин:

«...Фундаментальное свойство теории струн состоит в том, что она обладает высокой симметрией, объединяя в себе не только наши интуитивные принципы симметрии, но и максимальное, с точки зрения математики, расширение этих принци-

пов – суперсимметрию. ...Это означает, что моды колебаний струны реализуются парами суперпартнёров, спин которых отличается на $\frac{1}{2}$ ... Парность, связанная с суперсимметрией, позволяет теории струн сделать *предсказание*, что у каждой известной частицы имеется суперпартнёр... <> ...предсказание *существования* суперпартнёров является общей особенностью теории струн...» (Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2007, с. 150).

Специалисты могут возразить: частицы-суперпартнёры (будучи очень тяжёлыми) *пока не обнаружены* на экспериментальных установках, которыми сегодня располагают физики; есть, правда, надежда, что на вступившем сейчас в строй вблизи Женевы, в Швейцарии Большом адроновом коллайдере [Large Hadron Collider] – ускорителе на встречных пучках, предназначенном для исследования адронов – частиц, участвующих в сильном взаимодействии, суперсимметрия может получить экспериментальное подтверждение. Но даже если этого не случится, ни постулат симметрий, ни теория суперструн, ни принцип парности частиц не будут опровергнуты. Как подчёркивает Б.Грин, «хотя суперсимметрия была открыта в ходе работ над теорией струн, она может быть успешно включена в теории, основанные на точечной модели частиц и, следовательно, не является уникальным признаком (лишь одной. – А.Л.) теории струн» (там же, с. 151).

Вообще же дихотомии, симметрии-асимметрии, т.е. *принципы парности и оппозиции* (двойственности, сопряжённости) многообразно проявляются в нашем мире на *всех* уровнях движения материи, лежат в основании *базовых механизмов* порождения различных форм *информации* (*идеального, ментального, психического, сознания*), и в целом относятся к фундаментальным научным описаниям Вселенной посредством *диалектики противоположностей*.